

Лев Ефимович Колодный Тверской бульвар

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901114
Тверской бульвар: Издательский дом «Вече»; М.: 2014
ISBN 978-5-9533-6697-7, 978-5-4444-8083-0

Аннотация

Эта книга написана известным журналистом и писателем Львом Колодным, автором многих сочинений о Москве. Она посвящена одному из десяти московских бульваров, зеленым полукольцом стянувших центр города между берегами Москвы-реки. Бульварам москвичи обязаны императрице Екатерине II, повелевшей на месте земляного вала, крепостной стены и ворот каменного Белого города, утратившего оборонное значение, посадить деревья. Тверской бульвар первый стал излюбленным местом прогулок и гуляний народа. Ему посвящены стихи и описания многих литераторов.

Никуда не выезжая из Москвы, Лев Колодный два года ходил по маршруту длиной всего 872 метра, но здесь на каждом шагу встречал дома, связанные с именами великих писателей, архитекторов, артистов, замечательных жителей Тверского бульвара. Вечером на нем загораются фонари у подъездов МХАТа имени Горького и драматического театра имени Пушкина, бывшего легендарного Камерного театра Таирова, где играла гениальная актриса Алиса Коонен.

О том, что автор увидел и узнал во время увлекательного путешествия, вы прочтете на страницах авторского путеводителя. С ним в руках все, кто любит Москву, могут пройти дорогами писателя, узнав о многих незабываемых людях и событиях.

Содержание

Вступление	5
Бульвар Екатерины II. Его назвали Тверским	6
Иван Богослов улыбался. А студенты убили царя	12
«Повеса вечно праздный». На Тверском бульваре	17
Восьмой фаворит Екатерины II и другие истории Тверского бульвара	23
Ботаник и борец в образе профессора Тимирязева	28
Тверской бульвар в искусстве и в трех революциях	34
Архитекторы Посохин и Мндоянц. И художник Зураб Церетели	40
Бульвар в пламени революции	46
Три фамилии и два титула князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона	52
Выстрел в спину. Мужик Распутин и князь Юсупов	58
Генералы и академики под крышами Тверского бульвара	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Лев Колодный Тверской бульвар

© Колодный Л.Е., 2014

© ООО «Издательский дом «Вече», 2014

Вступление

На планах Москвы Тверской бульвар появился сравнительно недавно – на рубеже XVIII – XIX веков – и сразу пережил катастрофу в пламени пожара 1812 года. Но восстал из пепла и стал еще краше. На нем до 1917 года не построили ни одного храма, плотно заполнив новыми городскими усадьбами и возродив старые дворцы. О них интендант армии Наполеона Анри Бейль, известный в мире как писатель Стендаль, сообщал сестре из захваченной Москвы: «Этот город был не знаком Европе, в нем было от шестисот до восьмисот дворцов, подобных которым не было ни одного в Париже».

Бульвар после возрождения стал местом гуляний, описанным классиками русской литературы в прозе и стихах, одной из самых известных улиц Москвы. Сочиняя роман в стихах «Евгений Онегин», Пушкин в черновых набросках писал:

Он слышит на больших обедах
Рассказы отставных бояр,
Он видит Кремль, Тверской бульвар.

Как видим, ставит в один ряд с древним чудным Кремлем новую достопримечательность Москвы. В «Записках москвича» 1830 года журналист Яковлев отмечал: «Несмотря на моды, нововведения, новые сады, новые бульвары, Тверской бульвар главенствует перед всеми прочими гуляньями». Спустя год путеводитель Москвы констатировал: «Здесь ежедневно собирается множество прогуливающихся и иногда так много, что бывает тесно. В некоторых расстояниях поставлены скамейки для отдыхающих».

Спустя сорок лет Федор Тютчев, много лет живший в лучших городах Европы, признавался: «Есть что-то удивительно ободряющее меня и освежающее в этом городе... Тверской бульвар неизменно производит на меня свое действие».

По бульвару прогуливались Карамзин и Пушкин, Лермонтов и в детстве Лев Толстой. Здесь родился Герцен. На нем установили первый в России памятник Пушкину. «Артистический кружок» на бульваре посещали Чайковский и Островский.

В собственном доме жила великая актриса Мария Ермолова, а в советские годы в общестии писателей обитали Андрей Платонов и Осип Мандельштам.

Два века на Тверском бульваре вершилась история Россия, в домах «Латинского квартала» вызревал заговор студентов, решивших убить царя Александра II. На нем строились баррикады в 1905 году, братались люди в феврале 1917 года, а в октябре шел «последний и решительный бой». В годы так называемой «реконструкции Москвы» бульвар лишился квартала, примыкавшего к Тверской улице, старинных домов у Никитских ворот. Об этом и много другом я рассказал в этой книге, где впервые названы имена замечательных людей, которые прежде замалчивались советской цензурой.

Бульвар Екатерины II. Его называли Тверским

В мире много бульваров шире, протяженнее и роскошнее, чем Тверской бульвар. Одни Елисейские Поля в Париже чего стоят. Там праздник жизни, толпы иностранцев всех цветов кожи и разрезов глаз, дворцы, монументы и площади, там лес деревьев шириной 300—400 метров и проспект длиной без малого два километра, точнее – 1915 метров. Такой самой красивой улицей мира стали Елисейские Поля далеко не сразу и появились в конце XVIII века, почти одновременно с нашим первым старейшим бульваром. Но французам там места осталось мало.

Тверской бульвар также давно промерен, его длина 872 метров, ширина колеблется от 60 до 80 метров. Москва его никому пока не отдала.

Побывавший в Париже в 1790 году Николай Карамзин на месте нынешнего великолепия увидел лесок «с маленькими цветущими лужками, с хижинками, в разных местах рассеянными, из которых в одной вы найдете кофейный дом, в другой – лавку. Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили».

Автор «Бедной Лизы», житель Москвы, сравнивая ее с заграницей, сожалел, что у нас не было, как в городах Европы, «нарядных садов, где можно с удовольствием прогуливаться», и в своих корреспонденциях, публиковавшихся в Первопрестольной, убеждал: «В больших городах весьма нужны народные гульбища. Ремесленник, художник, ученый отдыхает на чистом воздухе по окончании своей работы, не имея нужды идти за город».

Тверского бульвара, когда наш великий историк путешествовал по Европе, все еще не существовало, хотя крепостную стену Белого города по повелению Екатерины II к тому времени разобрали. «По примеру чужестранных земель, – указывала императрица главноначальствующему в Москве, – иметь место в середине города для общественного удовольствия, где бы жители оного могли, не отдаляясь от своих домов, употребить прогуливание».

Выполнили царское повеление в 1796 году между Никитскими и Тверскими воротами Белого города. Все давние стоявшие на крепостном валу строения, лавки, кузницы волею фельдмаршала Ивана Салтыкова снесли. Землю срыли. Ров засыпали. Топкая местность, известная всему городу как Козье болото, где трудно было пройти и проехать, где веками грязь стояла по колено «и посреди самого сухого лета земля тряслась под ногами», как вспоминал в «Дамском журнале» анонимный «Любитель отечественной истории», преобразилась на глазах. Там где на горке играли дети, паслись козы, коровы и лошади из соседних домов, к всеобщему удивлению возник европейского вида бульвар, по имени ворот и улицы названный Тверским. Как и сегодня, всякому новому нашлись противники: «Экие времена! Все отняли, некуда выпустить и овечки. Люби Бог его сиятельство, а он нехорошо делает, что бедных людей вздумал обижать!»

Землю спланировали, утрамбовали и засыпали песком. Руководил невиданным делом губернский архитектор Семен Антонович Карин. В XVIII веке казенным российским зодчим присваивались воинские чины. Из московской артиллерийской школы, где обучали Карина, его выпустили архитекторским учеником в унтер-офицера. Прежде чем стать архитектором, он годами работал архитекторским помощником в чине прапорщика, подпоручика, капитана. (В чине капитана при артиллерийском ведомстве начал в Москве служить Василий Баженов, вернувшийся после долгой стажировки за границей профессором Римской академии святого Луки и академиком Флорентийской и Болонской академий.)

В Киеве построил уроженец Москвы Карин губернаторский дом, в родном городе – трехъярусную колокольню церкви Троицы в Листах на Сретенке, не пережившую эпоху Хрущева. Сведений сохранилось о нем мало. Постройки его сгорели в 1812 году. Выстоял до

наших дней Старый Гостиный двор, который возводил он, приспособлявая к нуждам московских купцов, по проекту Кваренги.

В эпоху Екатерины II Карин прослыл и чиновником, и зодчим. Устройство и украшение Тверского бульвара стали его лебединой песней. Высаженные в четыре ряда березы не прижились, засохли в городе. Их заменили липы. Увидеть, как они разрослись, Карину было не суждено.

Бульвар, задуманный в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, не стал прихотью императрицы в Москве, всем пришелся по вкусу, не пустовал ни днем, ни вечером. Поэт Константин Батюшков в «Прогулке по Москве», совершенной перед нашествием французов, когда средневековый вал, полукольцом окружавший Москву, еще не был до конца срыт, писал: «Теперь мы выходим на Тверской бульвар, который составляет часть обширного вала. Вот жалкое гульбище для обширного и многолюдного города, какова Москва; но стечение народа, прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские привлекают сюда толпы праздных жителей. Хороший тон, мода требуют пожертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица (так называли в Москве городских сплетниц. – *Ред.*), и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица».

Поэт упомянул эти наряды: пестрый мундир офицера, голубые панталоны и безобразный фрак счастливца, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны, епанчу (плащ широкого покроя. – *Ред.*) профессора Московского университета. Сохранил в нашей памяти офицера, прогуливающегося с бабушкой, придворной ветхой красавицей, и дедушкой-подагриком, провинциального щеголя, приехавшего перенимать моды, красавицу с толпой обожателей, поэта, читающего эпиграммы, и многих других исчезнувших типов.

При всей нескрываемой иронии Батюшкову нравилась воцарившаяся между липами атмосфера свободы общения, возможность «ходить взад и вперед с кем случится», видеть перед собой «великое стечение людей знакомых и незнакомых». На бульваре, к его радости, «люди становились людьми» и все казались счастливыми.

Никого из завсегдатаев Тверского бульвара поэт не назвал. За него это сделал анонимный автор «Стихов на Тверской бульвар», ходивших по рукам в многочисленных списках. Этот рифмоплет был вхож в высшее общество, знал героев своих эпиграмм не только по именам, но и по кличкам. Знал их происхождение, физические недостатки и человеческие слабости, делая их предметом своих обличений. Под его горячую руку попадали люди влиятельные и самые знатные в Москве.

Вот попович Малиновский
Выступает также тут.
За ним полненький Ватковский,
В коем весу тридцать пуд.

Попович – сын протоирея Алексей Федорович Малиновский, драматург, переводчик, историк, ведавший Московским архивом Коллегии иностранных дел, где под его началом начинали блистательные карьеры «архивны юноши», помянутые в хрестоматийных строчках:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят.
И про нее между собою
Неблагодарно говорят...

Точно так же молодые аристократы высказывались о своем директоре, называли его «иезуитской харей», что не мешало Пушкину бывать у сановника и на службе, и дома, поскольку Малиновские дружили с Гончаровыми, родителями его жены. Помянутый Ватковский был сыном командира Семеновского полка, который возвел на престол Екатерину II. Тучность не помешала ему прослыть в обществе «занимательным рассказчиком».

И Волконский с карусели
В шпорах звонко прикатил,
Весь растрепан, как с постели,
Парень этот, право, мил.

Этим «парнем» был князь Петр Михайлович Волконский, страстный любитель искусства, содержавший в Москве два крепостных театра. Один давал представления в барском доме, где играли дворовые люди и любители из дворян. После премьеры одной из пьес вышла в Москве книжка под названием: «Комедия в одном действии Н.Н. Представлена в первый раз благородным обществом в доме князя Петра Михайловича Волконского в 1776 г. Печатана в университетской типографии коштом книгопродавца Христиана Радигера».

В районе Самотеки существовал другой крупный театр Волконского на 300 мест, где ставились оперы и пьесы. Дворовые актеры князя перешли в казенную труппу, ставшую Малым театром. Их видели на бульваре во главе с управителем Аполлоном Майковым.

Не все эпиграммы отличались благодушием, были и оскорбительные, за которые могли вызвать на дуэль, чем, очевидно, объясняется желание автора скрыть свое имя. Так, гусар, муж красавицы, поражавшей прохожих «блеском каменьев дорогих», будущий герой Отечественной войны Шепелев удостоился такого портрета:

Усы мерой в пол-аршина
Отрастил всем на показ,
Пресмешная образина
Шепелев в глазах у нас.

Другой офицер, которого видели не только на бульваре, но и в лучших домах Москвы, упрекался за купеческое происхождение:

А Гусятников, купчишка,
В униформе золотой,
Крадется он исподтишка
В круг блестящий и большой.

На Тверском бульваре после полудня в любую погоду видели ехавшего верхом на лошади Николая Карамзина. Судя по «Прогулке» Батюшкова, он сам часто гулял в толпе среди помянутых персонажей.

Тверской бульвар на сотни лет моложе Тверской улицы, но быстро сравнялся с ней своими особняками. За какихто десять лет его застроили городскими усадьбами с главными домами и флигелями, показавшимся офицерам Наполеона и самому императору дворцами, не уступающими по роскоши парижским, с французской мебелью и книгами на французском языке.

В том из них, что сохранился под номером 25, родился у богатого помещика капитана Ивана Яковлева и его возлюбленной, привезенной им из Германии семнадцатилетней Луизы Гааг, незаконнорожденный сын Александр. Отец придумал ему фамилию – Герцен, образо-

вав ее от немецкого слова «герц», что значит сердце. Это случилось за три месяца до нашего вступления в дом родного Ивана Яковлева брата-сенатора. На Тверском бульваре у сенатора был еще один большой дом, в советские годы перестроенный в многоэтажный банк под номером 17.

С грудным ребенком на руках семья капитана и сенатор не успели выехать из Москвы, захваченной неприятелем. В «Былом и думах» Герцен записал рассказ о том, как и почему это произошло. Братья долго собирались в дорогу, то тот был не готов, то другой. «Наконец мы уложились, и коляска была готова; господа сели завтракать, вдруг наш кухмист вошел в столовую такой бледный, да и докладывает: “Неприятель в Дорогомиловскую заставу вступил”. Так у нас всех сердце и опустилось, – сила, мол, крестная с нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотрим – а по улице скачут драгуны в таких касках с лошадиным хвостом сзади».

Тверской бульвар загорелся не сразу. А когда огонь подобрался к домам братьев, начались грабежи. Французский солдат вырвал новорожденного у кормилицы и развернул пеленки, выискивая бриллианты и ассигнации. Ничего не найдя, разорвал пеленки. К Тверским воротам Герцена понесли завернутого в кусок материи, содранной с бильярда. Ночевали на улице, молоко у кормилицы пропало, накормили кричавшего от голода младенца куском моченого хлеба, выпрошенного у солдат. Отца Герцена привели к маршалу Мортье, тот доложил о нем Наполеону. С его письмом Александру I, где предлагалось начать переговоры о мире, семью вывели из горящей Москвы.

Когда в город вошла армия Наполеона, деревья на Тверском бульваре выросли настолько, что на них и на фонарных столбах вешали поджигателей. Французские солдаты жили на бульваре, рубили липы на дрова, разводили огонь, чтобы сварить пищу и согреться осенней ночью. Подобным образом, спустя два года, поступали казаки, войдя в Париж, разбив лагерь на Елисейских Полях.

Понадобились годы, чтобы на бульваре затянулись раны войны, восстановились сгоревшие здания и появились новые особняки.

Н.М. Карамзин. Художник В.А. Тропинин

Первым о Тверском бульваре заговорил Николай Карамзин, когда это название к нему окончательно не пристало и само слово “бульвар” резало русское ухо. Карамзин и Батюшков установили традицию в русской литературе – писать о Тверском бульваре в прозе и стихах.

«Прогулка по Москве» сочинялась в том году, когда племянника Сашу дядя Василий Львович увозил из Москвы в Царское Село учиться в лицее. Наводнивший всю Россию «вольнолюбивыми стихами» Александр Пушкин вернулся в родной город после ссылки на

юг России прославленным поэтом. К тому времени на Тверском бульваре кроме лип прижились вязы, клены, дубы, ель и туя, аллеи украшали цветы и фонтаны.

Шестнадцать лет не видел Москвы поэт, которую в «Евгении Онегине» описал глазами Татьяны Лариной, привезенной из деревни на выданье:

...Вот по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

«Дворцы» – это Петровский дворец, возрожденный на наших глазах правительством мэра Москвы Юрия Лужкова города. «Монастыри» – Страстной монастырь, разрушенный до основания в 1937 году. «Бульвары» – Тверской бульвар. «Львы на воротах» – охраняют здание Музея современной истории. «Аптеку» снесли заодно с кварталом бульвара, приняв Генеральный план 1971 года, пообещав народу превратить Москву в образцовый коммунистический город.

Аптеку на углу Тверской многие помнят, ей было лет двести, ее разрушили, как и многие старинные дома XVIII – XIX веков. Рука «отцов города» не дрогнула. В сводчатых подвалах дома под аптекой подавали пиво с раками, черными подсоленными сухарями. Сюда меня привел Вадим Кожинов, студент филфака Московского университета, опекавший по поручению комитета комсомола такелажника стройки МГУ на Ленинских горах, грезившего по простоте душевной учиться на отделении журналистики того же факультета. От этой затеи он меня не отговаривал, заражал энтузиазмом, стихами, которые читал за столиком в полутемном шумном зале, набитом исключительно мужчинами. Он знал, как мало кто тогда, старую Москву, в числе первых писал, что ее надо беречь и не разрушать. Смешно читать, что пишет дружная компания «Архнадзора»: мол, разрушают Москву по-прежнему, и даже с большим размахом. Видели бы ребята, как расправились с Тверским бульваром в 1972 году. Я видел и потому пишу, чтобы это никогда не повторилось

Иван Богослов улыбался. А студенты убили царя

На Тверском бульваре со дня его основания и до революции не построили ни одного храма. Тем не менее его украшали купола и колокольни двух старинных церквей. Одна из них – Дмитрия Солунского – триста лет манила прихожан на углу Тверской улицы.

Русские князья и цари от Ярослава Мудрого, включая Юрия Долгорукого, Александра Невского, Ивана Грозного, до Алексея Михайловича нарекали сыновей Дмитриями. Героем Куликовской битвы стал Дмитрий Донской. Этот князь в 1380 году, когда состоялось побоище, перенес в Успенский собор икону Дмитрия из Владимира. Туда она попала, как величайшая святыня, из Киева, а до этого обреталась в Салониках, написанная на гробовой доске великомученика, погибшего при гонителе христиан императоре Диоклетиане. На царевиче Дмитрие, сыне Ивана Грозного, убитом в Угличе, пресеклась мужская линия династии московских Рюриковичей.

Церковь Дмитрия Солунского стерли с лица земли в 1933 году, когда Тверскую решили расширить, придать ей вид столицы нового социалистического мира, застроить семиэтажными домами в стиле сталинского ампира. Историки архитектуры особо ценили колокольню-звонницу храма. В средневековой Москве колокола либо поднимались на круглые башни, столпы, либо помещались в приземленные четырехгранные звонницы.

Звонница церкви Дмитрия считалась «смешанного типа», она завершалась великолепным шатром, как колокольня, и в этом была ее уникальность. «В Москве уцелела лишь единственная колокольня при трехшатровой церкви Святого Дмитрия Солунского», – отмечается в «Путеводителе по Москве 1913 года». Построили ее в первой половине XVII века, до того как церковь запретила венчать храмы шатрами.

На Тверском бульваре выстраивались кареты знатных персон, приезжавших в храм не только для молитв, но и чтобы послушать церковный хор, в XIX веке столь известный, как в наши дни – хор Сретенского монастыря.

Неповторимость и три века истории не остановили разрушителей. Дмитрия Солунского не стало. Тверскую расширили. Старинные дома взорвали.

Другой храм – Иоанна Богослова – чудом уцелел, и его можно увидеть с Тверского бульвара у Театра имени Пушкина, за которым проходит Большая Бронная. В названии улицы и соседних Палашевского и Гранатного переулков хранится память о броне – панцирях и кольчугах, палашах, гранатах, то есть артиллерийских снарядах, производимых в Бронной слободе, где жили оружейники. В этой слободе деревянную церковь со времен царя Федора Ивановича построили в «прославление» апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Вступивший на престол молодой царь Михаил Романов подарил ей икону, написанную в Византии, с образом святого и дарственной надписью.

При его сыне царе Алексее Михайловиче «тщанием приходских людей» неизвестный зодчий воздвиг пятиглавую каменную церковь на месте деревянной. Позднее к ней пристроили увенчанный одной главкой Никольский придел. Его освятил Адриан, десятый и последний патриарх Московский и всея Руси. Его характеризуют крайним противником реформ Петра, приверженцем старинных обычаев, выступавшим против бритья бород, которые срезал боярам сам царь. Петр не поступил с Адрианом, как его отец с патриархом Никоном, не сослал в монастырь, не низложил, дал дожить патриархом. Но после смерти Адриана упразднил патриаршество.

Еще одна яркая фигура допетровской Руси – поэт и драматург, богослов, воспитатель царских детей Симеон Полоцкий – вошла в летопись храма.

Архитектуру Московской Руси Средних веков дополнила двухъярусная колокольня нового времени, построенная по европейским канонам, в классическом стиле. Она несла

семь колоколов, один из которых отлил мастер Иван Маторин, тот самый, кто с братом Михаилом отлил Царь-колокол.

Колокольню воздвигли в 1740 году, когда умерла императрица Анна Иоанновна. Ее отца, Ивана, царствовавшего с Петром при правительнице сестре Софье, называли именем, которое носил Иоанн Креститель и Иоанн Богослов, почитаемый христианами как апостол, один из двенадцати учеников Христа, и как один из четырех его биографов, написавший Евангелие от Иоанна. Имя это происходит от еврейского имени «Иоханан», что значит «Яхве милостив», Бог милостив. Таким именем иудейский рыбак Зеведей, что значит «дар мой», нарек одного из сыновей. Ученик Иоанна Крестителя, он, как гласит предание, слышал, как тот при явлении Христа сказал: «Вот Агнец божий». Уверовал в него и пошел за ним, стал «учеником, которого любил Христос». На Тайной вечере «припадал к груди Христа». Единственный, кто проявил твердость духа, когда другие апостолы растерялись после ареста. Единственный из них стоял на Голгофе у креста, и умирающий Христос завещал ему заботу о матери – Деве Марии. Иоанна подвергали гонениям, бичевали, сослали на полупустынный остров Патмос. Там ему пришлось видение о будущем мира и церкви, что побудило написать вдохновенное поэтическое «Откровение», по-гречески – «Апокалипсис». Оно завершает Новый Завет, где в последних главах после второго пришествия воспевается сияющий, не знающий ночи Иерусалим. «И не войдет в него ничто нечистое, никто преданный мерзости и лжи, а только которые написанные у Агнца в книге жизни».

Вокруг Иоанна Богослова, как пишет Владимир Гиляровский в «Москве и москвичах», на не мощенных камнем улицах в деревянных строениях с мелкими квартирами снимали жилье студенты-разночинцы. Жили в нужде. Вместо чая и кофе заваривали цикорий, четверть фунта, сто грамм, за три копейки, хватало дней на десять на четверых. В каждой комнате обитало четверо, на всех, бывало, приходилось две пары сапог и две пары платьев. На лекции ходили поочередно, двое шли в университет, двое сидели дома. «Четыре убогие кровати, они же стулья, столик да полка книг».

(Ничем не лучше выглядели комнаты огромного, в четырех замкнутых корпусах студенческого общежития Московского университета у Яузы на Стромынке в 1951–1956 годах, когда я там жил. С той разницей, что убогих кроватей насчитывалось в два раза больше. Мебель состояла из прикроватных тумбочек, шкафа, стола и стульев. Украшали стены в рамках под стеклом отпечатанные портреты, по одному на комнату – вождей, членов Политбюро. На моих глазах комендант общежития обходил комнаты и снимал со стен портреты Берии, когда стало известно о его падении.)

При либеральном Александре II на Бронных улицах и переулках было некое подобие парижского Латинского квартала. Студенты всем своим видом и манерой поведения отличались от обывателей, ходили длинноволосые, в шляпах с широкими полями, щеголяли в пледах и очках. Подвыпив, распевали:

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются,
А Иван Богослов,
На них глядя без слов,
С колокольни своей улыбается.

Как утверждает Гиляровский: «Здесь в конце шестидесятых годов была штаб-квартира, где жили студенты-нечаевцы, а еще раньше собирались каракозовцы, члены кружка “Ад”». Студентом Московского университета был Дмитрий Каракозов, вольнослушателем – его двоюродный брат Николай Ишутин. Студент Сергей Нечаев занимался в Петровской

сельскохозяйственной академии. Каракозов стрелял в царя и был повешен. Его брату, организатору «Ада», казнь заменили бессрочной каторгой. Сергей Нечаев создал «Народную расправу». За убийство студента Ивана Иванова, заподозренного им в предательстве, Нечаева приговорили к 20 годам каторги. Все они помышляли о революции и справедливом строе, социализме. Другие студенты неоднократно покушались на Александра II и убили царя, готового подписать Конституцию, спустя пятнадцать лет после выстрела Каракозова.

Студент. Художник Н.А. Ярошенко

По Тверскому бульвару в Татьянин день студенты и профессора Московского университета шли к Трубной площади, роскошному ресторану «Эрмитаж». Там раз в год за простыми столами, уставленными бутылками водки, пива, дешевого вина и закусками, устраивали, по описанию Гиляровского, шумный и развеселый «народный праздник в буржуазном дворце обжорства».

В храме Иоанна Богослова кроме иконы, подаренной Михаилом Романовым, особо почитали чудотворную икону «Умиление» Божьей Матери и Смоленскую Богоматерь XVII века в роскошном окладе. Его содрали, когда пришли на пятом году окрепшей советской власти большевики и под предлогом помощи голодающим конфисковали все церковное золото, серебро, драгоценные камни, украшавшие иконы.

Ограбление Иоанна Богослова происходило на глазах живших на Тверском бульваре Осипа Мандельштама и его жены. Надежда Яковлевна во «Второй книге», изданной в Париже, вспоминала: «Где-то в Богословском переулке – недалеко от нашего дома – стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идет “изъятие”. Происходило оно совершенно открыто – не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и нас никто не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слезы, когда сдирали ризы и грохали иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем».

Мандельштам заметил, что дело не в ценностях: «Бывало, что снимали колокола и отливали из них пушки. Бывало, что церковное золото отдавалось на спасение страны. Одним ударом убивали двух зайцев: загребали золото и порочили церковь».

Спустя десять лет после ограбления в храм настоятелем назначили молодого иеромонаха Киприана, в миру Константина Алексеевича Нелидова. Его дворянский род происходил от «мужа знатна короны Польския», проявившего себя бойцом в Куликовской битве. После нее он навсегда остался жить в Москве, крестился, поменял имя Владислав на Владимир, а фамилию Каща-Неледзевский на Нелидов. Одному из его потомков великий князь Иван III дал прозвище Отрепьев, ставшее на двести лет фамилией рода. Это слово значило не только ветхую одежду, но и остатки льна, а в переносном смысле так называли последыша, последнего ребенка в многодетной семье.

Фамилию Нелидовым вернул царь Алексей Михайлович. При Екатерине II дочь поручика Екатерина Нелидова поступила в Смольный институт и обратила на себя внимание грацией и умением танцевать. Императрица велела художнику Дмитрию Левицкому написать портрет танцующей Нелидовой. Девушка не слыла красавицей, но поражала блестящими черными глазами, веселым нравом и остроумием. При дворе прижилась, стала близкой подругой Марии Федоровны, жены цесаревича, который и сам в ней души не чаял. Будущий император Павел I в отношениях с ней «дошел до рыцарского поклонения». Но не дальше. Никто из придворных не верил, что она фаворитка, не любовница Павла. Нелидова была бескорыстной, отказывалась от подарков императора, считала, что «сам Бог предназначил ее» охранять Павла. Вместе с его женой Екатерина гасила вспышки гнева неуравновешенного императора, влияла на важные решения при назначении сановников. Павел I говорил, что у него с Нелидовой «дружба священная и нежная, но невинная и чистая». Так продолжалось до тех пор, пока обеих не заменила одна Анна Лопухина. Спустя три года императора убили.

Николай I и его жена Александра Федоровна пережили нечто подобное с другой выпускницей Смольного института и племянницей Екатерины Нелидовой – Варварой. Оче-

видно, в роду Нелидовых женщинам передавались по наследству черты характера, которыми очаровывались Романовы, сначала Павел I, потом его сын Николай I.

Варенька, как ее звали при дворе, подобно Екатерине магнетизировала черными глазами, грацией, слыла рассказчицей смешных историй, искусной наездницей. На первом балу, танцуя в маске, рассказала императору ходившие о нем анекдоты, а когда открыла лицо – понравилась ему с первого взгляда. Судьба ее в тот миг решилась, она стала не только фрейлиной, но и ближайшей подругой Александры Федоровны, тайной любовью Николая I. Никаких выгод от близости с императором Нелидова не искала. В отличие от своей тети никак на его решения не влияла, любила бескорыстно, как мужчину. Статью, красотой и благородством природа его не обделила. Любить Николая Павловича было за что. В отличие от своего отца, старшего брата и сына Николай I не третировал на глазах придворных жену, мать семерых детей, которую любил. Но после последних тяжелых родов императрица по настоянию врачей прекратила с мужем интимные отношения. Став фавориткой, Варвара Нелидова никогда и нигде не давала повода заподозрить свою связь с царем, и он умело скрывал тайные свидания, без которых не мог жить. Связь длились семнадцать лет и оборвались со смертью императора. Завещанные царем 200 тысяч рублей она отправила в «Инвалидный капитал». Осталась подругой вдовы императора, близкой с его детьми, и пережила Николая I на сорок лет.

На поприще дипломатии отличился Александр Иванович Нелидов. После победоносной войны с Турцией ему поручили составить предварительные условия мира, его подпись стоит под Сан-Стефанским договором, положившим конец господству мусульман в славянских странах Восточной Европы.

Такой вот дворянский род, внесенный в родословные книги шести губерний России, был у отца Киприана, что сыграло роковую роль в его судьбе. Спустя год после назначения настоятелем храма Иоанна Богослова его арестовали и отправили в лагерь, где священник погиб в 33 года, как Христос. Он не видел, что случилось с его храмом и прихожанами. Когда по ходатайству соседнего театра общину упразднили и церковь закрыли – иконы пошли на дрова, иконостасы алтарей и росписи стен XIX века, не ценимые советскими искусствоведами, уничтожили, разрушили главы, снесли ограду. Обезображенное здание передали в аренду Камерному театру, устроившему в нем общежитие, затем столярный и слесарный цех.

Реставрация длилась мучительно долго. Живший поблизости идеолог партии Михаил Суслов обратил внимание на полуразрушенную церковь. Его звонок сдвинул дело с мертвой точки, реставрация оживилась и снова угасла. Так продолжалось все годы советской власти, пока храм не вернули верующим. «Инкомбанка» больше нет. А деньги, вложенные им в воссоздание храма, не пропали. Позолота и образа завораживают. Трижды побывал в церкви Алексей II, поразившийся мастерством современных иконописцев, создавших алтари, «пред которыми будут молиться новые поколения русских людей, и они сами когда-нибудь через века станут нашей святыней». Иными словами – памятниками искусства XXI века.

«Повеса вечно праздный». На Тверском бульваре

Как выглядел Тверской бульвар в 1825 году, хорошо видно на известной литографии французского художника Огюста Кадоля. У нас его лучше знают, чем на родине. С документальной точностью он запечатлел вид Москвы с Воробьевых гор, Большой театр, Пресненские пруды, Тверской бульвар.

Уроженец Парижа, сын адвоката, с детства учился живописи. Служил в егерском стрелковом полку императорской гвардии. В «Битве народов» под Лейпцигом, где звезда Наполеона закатилась, попал в русский плен, изучил русский язык. В Россию приехал дипломатом, «военным агентом» короля Людовика XVIII. Будучи в Москве, сделал много рисунков, акварелей и сепий, рисунков коричневой краской, города.

Кадоль рисовал Тверской бульвар, глядя на него от Никитских ворот. Виденных им строений на переднем плане больше нет. Как нет церкви Дмитрия Солунского и Страстного монастыря, замыкавшего перспективу. Картину бульвара 1825 года анонимный автор «Исторического путеводителя по знаменитой столице Государства Российского», вышедшего в четырех частях в 1827–1831 годах, достойного переиздания в XXI веке, описал так: «Вот место, славное гуляньем своим. Средняя большая дорога обсажена липами, уже возмужавшими, в два ряда между оных проложены еще дорожки параллельно с большою, среднею. Из всех бульваров он есть теперь лучший».

Старинная планировка бульвара сохранилась: как прежде, тянется от Никитских ворот к Тверским воротам, Пушкинской площади, широкая аллея, посыпанная песком, и две другие дорожки, охраняемые строем деревьев в восемь рядов. «По сторонам дорог расположены прекрасные куртины (гряды для цветов. – *Ред.*) с цветами, каковыми обсажены и самые бока дорожек; посредине к правой стороне выстроена хорошего арабского вкуса кондитерская, где гуляющие могут найти и легкую закуску. По обеим оной сторонам есть два искусственные водоема, наполняемые по произволению водою. Фонтаны при блеске склоняющегося солнца обворожительны».

Ничего подобного нет давно – ни кондитерской, ни водоемов, ни фонтанов. Что есть? Детская площадка, клумбы, пешеходы и массивные скамейки, особенно популярные у пар, не имеющих возможности уединиться. Из описания Тверского бульвара видно, что в первой четверти XIX века его украшали и содержали лучше, чем сейчас: «Идите дальше: тут рошица, тут беседка из зелени, там клумба с цветами, здесь искусно сделанный мостик, на противной стороне водоем, и все тут чисто, убрано и опрятно». И далее речь идет о публике: «Здесь ежедневно собирается множество прогуливающихся и иногда даже так много, что бывает тесно».

В этом множестве выделялся вернувшийся из ссылки в ореоле славы первого поэта России Александр Пушкин, наводнивший Россию «свободолюбивыми стихами». В черновых вариантах «Путешествия Онегина» о появившемся в Москве после дальних странствий Евгении говорится:

Он слышит на больших обедах
Рассказы отставных бояр,
Он видит Кремль,
Тверской бульвар.

В марте 1827 года известный в обществе «передатчик новостей» почтмейстер Александр Булгаков писал брату в Петербург: «Мороз и снегу более теперь, нежели когда-либо,

а дни такие весенние, что я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке, но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы».

Пушкин случайно встретился с отбывавшим ссылку в Москве Адамом Мицкевичем. Поэты хорошо знали и читали друг друга. Не останавливаясь, на ходу они обменялись репликами. Князь Петр Вяземский, ссылаясь на «прибавления к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке», пересказал анекдот:

– Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал:

– *С дороги, двойка, туз идет!*

На что Мицкевич мгновенно прореагировал:

– *Козырная двойка и туза бьет!*

«Где-то на улице» – это на Тверском бульваре.

Все еще не женатый, постоянно влюблявшийся Пушкин, переживший, по его признанию, 112 романов, в декабре 1828 года пришел, согласно преданию, в дом Кологривовых на Тверском бульваре, сдаваемый под устройство балов. Побывавший на таком балу Александр Булгаков, отец невест, писал брату: «Там была бездна, 500 человек, и хотя дом Кологривовых на бульваре велик, с двумя залами, было тесно и жарко».

Сюда выводили в свет девушек, здесь заводили аристократы знакомства, заканчивавшиеся подчас венчанием. Лев Толстой в «Войне и мире», описывая первый бал Наташи Ростовской в зале дома Пьера Безухова, помянул популярного в городе учителя танцев Иогеля, проводившего самые веселые балы. «Особенного на этих балах было то, что не было хозяйина и хозяйки; был, как пух летающий по правилам искусства, расшаркивающийся добродушный Иогель, который принимал билетки за уроки от своих гостей; было то, что на эти балы еще езжали только те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцати – четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья».

На балу Натальи Гончаровой в доме Кологривовых кроме Иогеля хозяйка присутствовала. Она не только наблюдала за танцующими парами, но разделяла всеобщее веселье. Прасковья Юрьевна Гагарина вышла замуж за полковника Кавалергардского полка в отставке богатого помещика Александра Петровича Кологривова. Муж на восемь лет был моложе пятидесятилетней графини, которая и тогда выглядела привлекательной.

Кологривовы происходили от «мужа честна», прибывшего в Москву «из Немец» и поступившего на службу к московскому великому князю. Потомок его в десятом колене Иван Тимофеевич Пушкин получил прозвище Кологрив, ставшее фамилией дворянского рода. Кологривы служили при лошадях у царя или князя, так называли и людей, обросших гривами волос.

Известная всей Москве Прасковья Юрьевна в «Горе от ума» представлена в образе «Татьяны Юрьевны», которой *«чиновные и должностные – все ей друзья и все родные»*. Многие стремились заручиться ее благорасположением.

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до Поста,
И летом праздники на даче.

В молодости красота графини побудила всесильного Григория Потемкина после слов, что «в дамском обществе всякую женщину можно безнаказанно поцеловать» перейти к делу, за что светлейший князь получил пощечину от Прасковьи Гагариной. В молодости поклонником графини слыл Николай Карамзин, посвящавший ей стихи.

Парашу вечно не забуду,

Мила мне будет навсегда,
К ней всякий вечер ездить буду,
А к Селимене никогда.

Характером графиня не походила на Селимену, героиню «Мизантропа» Мольера. Она устраивала в своем доме спектакли итальянской оперы и выступала в роли примадонны. Как пишет о ней в «Русских портретах» великий князь Николай Романов, эта Гагарина обладала «невиданною живостью и веселостью характера... предавалась всем удовольствиям света и была известна как одна из первых львиц московского общества допожарной эпохи».

Прасковья Юрьевна славилась не только балами и влиянием в свете. Она первой из русских женщин в корзине воздушного шара совершила с его изобретателем-французом полет над Москвой, приземлившись в имении князя поэта Петра Вяземского.

Выйдя по взаимной любви за князя Федора Гагарина, следовала Прасковья за мужем в военных походах, беременная попала после гибели мужа в восставшей Варшаве в польский плен. Освободили ее солдаты Суворова. Замуж за полковника Кологривова графиня вышла в 1812 году. После пожара неизвестный архитектор построил для Кологривовых трехэтажный дом в стиле ампира, возвышавшийся над соседними строениями. В залах дома устраивал балы француз Петр Иогель, обучивший танцам поколения маленьких дворян, включая Пушкина.

Как выглядела на балу у Кологривовых в 16 лет Наталья Гончарова, что чувствовала при первой встрече со своей судьбой, дает представление с ее слов запись дочери: «В белом воздушном платье с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз...

Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению – не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта».

А будущий муж свои переживания в тот вечер выразил в письме матери невесты: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума...»

Все, кто видел Наталью Гончарову перед женитьбой, поражались. «Наташа была действительно прекрасна, – писала одна из ее знакомых. – Воспитание в деревне на чистом свежем воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц... Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо... Все было *comme il faut* (соответствовало правилам светского приличия. – Л.К.) – без всякой фальши».

Два года после первой встречи на балу ждал венчания Пушкин, женившийся на прекрасной и знатной невесте, но, в сущности, бесприданнице. В день долгожданной женитьбы теща заявила зятю, что денег на приданое дочери нет. До обручения, состоявшегося в Большом Вознесении у Тверского бульвара, Пушкин написал сонет, сравнив невесту с Мадонной:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

В письме другу признался: «Я женат и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь».

Приезжая в Москву после женитьбы и переезда в Петербург, Пушкин останавливался в доме родителей жены вблизи Тверского бульвара. Все эти жизненные обстоятельства и дали основание Обществу любителей русской словесности при Императорском Московском университете в 1899 году установить первый памятник Пушкину именно на этом бульваре, откуда его при советской власти передвинули на вершину Тверского холма.

Пушкин с женой на придворном балу. Художник Н.П. Ульянов

С тех пор создано много памятников в честь «солнца русской поэзии». В Петербурге их два, они есть в Одессе, бывшем Екатеринославе – Днепропетровске, бывшем Тифлисе – Тбилиси, в городах и странах, где не видели поэта. Памятник Пушкину Зураба Церетели ждут в Эфиопии, откуда родом арап Петра Великого, генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, прадед Александра Сергеевича по материнской линии, крещенный Петром.

«Лицом настоящая обезьяна» – называл себя Пушкин в юношеском стихотворении на французском языке. На русском языке в послании лейб-улану Юрьеву, славившемуся красотой, на эту же тему есть другой пассаж:

А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Вращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

– Вижу Пушкина очень красивым, – сказал мне Зураб Церетели. – Давно написал портрет Пушкина. Меня попросили сделать для Эфиопии, я сделаю ему памятник.

В чем можно не сомневаться. Пушкин через два года после свадьбы приехал в родной город и не узнал ни Москву, ни Тверской бульвар, хотя все деревья остались на своем месте. «Однако, скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва, – писал жене, – Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов...»

Известный московский журналист и литератор грузинский князь Петр Иванович Шаликов завидно долго, 23 года, редактировал старейшую газету «Московские ведомости», параллельно с этим издавал популярный не только у женщин «Дамский журнал» и другие издания. Сочинял сентиментальные стихи, путевые очерки, написал воспоминания «Историческое известие о пребывании в Москве французов в 1812 году».

У Тверского бульвара в сохранившемся доме в конце Большой Дмитровки на углу с Леонтьевским переулком помещалась редакция и квартира редактора под одной крышей дома, куда навещались многие авторы, бывшие с князем в добрых отношениях, что не мешало им посвящать ему нелицеприятные эпиграммы. Петр Вяземский называл Шаликова за неисправимый сентиментализм, вышедший из моды, «Вздыхаловым».

С собачкой, с посохом, с лорнеткой,
С миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И с чуть звенящим кошельком,
По свету белому Вздыхалов
Пустился странствовать пешком.

«Странствовать пешком» князю приходилось по бедности: нуждаясь и даже голодая, он не служил, занимался беззаветно литературой. В сентябре 1812 года не смог нанять подводу и остался в горящем городе. В первом издании «Разговора книгопродавца с поэтом» Пушкин, не желая воспевать «женские сердца», ответил «Книгопродавцу»:

Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы.

В письме Вяземскому назвал эти слова «мадригалом кн. Шаликову» и заметил: «Он милый поэт, человек достойный уважения... и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна». Все это не помешало Пушкину в соавторстве с Боратынским наградить князя едкой эпиграммой:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
– Вот, вот с кого пример берите, дуры!
Он дочерям в восторге закричал.
– Откройся мне, о, милый сын натуры,
Ах! что слезой твой осеребрило взор?
А тот ему в ответ: «Мне хочется на двор».

Восьмой фаворит Екатерины II и другие истории Тверского бульвара

Если бы на Тверском бульваре трехэтажный особняк Кологривовых не снесли, то он бы имел номер 22. По обеим сторонам Художественного театра, построенного на его месте, сохранилась линия зданий старой Москвы.

«По левой стороне бульвара, – гласит «Путеводитель по Москве 1917 года», – тянутся невысокие строения, по большей части уцелевшие от пожара 1812 года и дающие представления о небольших дворянских домах этой эпохи (напр., номер 26), но современные вывески досадно портят впечатление».

Два уцелевшие дома – 24 и 26 – составляли в XIX веке одну городскую усадьбу. Принадлежало владение генерал-майору Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову, бывшему фавориту Екатерины II, восьмому в ее жизни, как считают биографы царицы.

Чех Корсак, поступивший на московскую службу, стал основоположником дворянского рода Корсаковых. Некоторым из них царь Федор Алексеевич дал право носить фамилию Римских-Корсаковых в знак того, что они произошли из Рима. Фамилию эту носили в России сановники, генералы, адмиралы и композитор Римский-Корсаков, автор «Царской невесты», «Снегурочки», «Садко» и других классических опер, не сходящих со сцены Большого театра.

Капитан Кирасирского полка Римский-Корсаков попал в поле тяготения всемогущего Григория Потемкина, тайного мужа Екатерины II. Занимаясь после охлаждения интимных отношений войной и государственными делами, основывая города на Черном море и Днепре, светлейший князь Таврический постоянно подбирал для царицы кандидатуры фаворитов.

Рекомендованного им Семена Зорича, не оправдавшего доверия «мота и игрока», сменил Петр Завадский, через год разделивший участь прежнего фаворита. После «случая» он проявил себя министром народного просвещения, основателем трех университетов – Казанского, Харьковского и Дерптского.

Екатерина II страдала от одиночества, посему Потемкин представил ей трех молодых офицеров. Выбор царицы пал на капитана, ставшего ее восьмым возлюбленным.

Этот фаворит обладал кроме замечательной внешности красивым голосом, хорошо пел и играл на скрипке, слыл веселым и добродушным. На него посыпались милости царицы: чины, деньги, драгоценности, дом в столице, имение с тысячами крепостных.

Екатерина II называла возлюбленного Пирром, именем царя-полководца Древнего мира, прославившегося «пирровой победой». Она искренно восхищалась избранником и полагала, что его «следовало брать как модель всем скульпторам, живописцам; все поэты должны воспевать красоту Римского-Корсакова». Ее корреспондент барон Гримм узнал из письма императрицы: «Он светит как солнце и вокруг себя разливает сияние». Царица «скупала без него... убеждала беречь себя для ее счастья».

В 50 лет императрица считала 25-летнего генерал-адъютанта истинным другом. В его измене убедилась, застав в своей комнате с близкой подругой статс-дамой графиней Прасковьей Брюс. Мстить не стала, страдая, удалила с глаз своих. Этот «случай» длился 16 месяцев. Графиню Прасковью Римский-Корсаков бросил. Уехал из Петербурга в Москву с другой возлюбленной – графиней Екатериной Строгановой. Вольтер сделал ей комплимент: «Ах, сударыня, какой прекрасный день сегодня: я видел солнце и вас».

Не будучи в церковном браке, жили Римский-Корсаков и Строганова уединенно на Тверском бульваре, где родились у них сын и две дочери, получившие дворянство и фамилию Ладомирских.

Став вдовцом, Римский-Корсаков зажил открыто на широкую ногу. Дом на Тверском бульваре в роскошном саду с беседками, статуями, прудами «посещался всей Москвой». Выпавшее на долю фаворита богатство позволяло ездить в карете цугом, запряженной двумя парами лошадей, носить шитый золотом камзол, украшенный драгоценными камнями, задавать балы и «лукулловы обеды», принимать множество гостей. В загородном доме, как писали, «менее 80 человек никогда не бывало... Не только слуги хозяина, но и слуги его гостей пивали зачастую вдоволь шампанского».

В доме хлебосольного Римского-Корсакова жили во время триумфальных гастролей в Москве итальянская певица Анджелика Каталлани и французская актриса Филис Андрие. Француженка была одной из любовниц Александра I, выказавшего горячие чувства многим женщинам кроме своей красавицы жены.

Дом Римского-Корсакова

В качестве сластолюбца Римский-Корсаков попал в записки князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России», считавшего, что он «приумножал бесстыдство любострастия в женах». Что не мешало ему слыть «веселым и щедрым человеком», как считает в «Русских портретах» великий князь Николай Михайлович Романов, расстрелянный большевиками с тремя другими великими князьями в Петропавловской крепости.

Пушкин, увлеченный историческими изысканиями, неоднократно бывал у Римского-Корсакова. Как писал Петр Вяземский: «Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок...» Частый гость расспрашивал обо всем, что запомнил царедворец о времени Екатерины II, пребывая в положении, которому завидовали в столице.

По предложению царя начав писать «Историю Петра», Пушкин интересовался подробностями, которые не попали в архивы. К ним у него появился доступ после повеления Николая I «отставного коллежского секретаря принять на службу тем же чином и определить его в государственную Коллегию иностранных дел». Очевидно, историк Пушкин многое узнал такого, что дало ему основание жестко и необъективно высказаться как о Екатерине II, так и о фаворитах: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные такой слабостью, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе. Таким образом, развратная государыня развратила свое государство...»

Последние два года жизни Римский-Корсаков не выходил из дома, «сделался дик, запустил бороду, не снимал халата», как вспоминал почтмейстер Александр Булгаков, один из немногих, кто навещал забытого всеми вельможу. По словам Булгакова, ему был всегда рад и подарил письма Екатерины II.

На глазах почтмейстера восьмой фаворит императрицы умер. Похоронил его любящий сын у старинной церкви Покрова в Братцеве, «на даче». Надпись на камне гласила, что «здесь погребено тело генерал-майора действительного камергера и разных орденов кавалера Римского-Корсакова, скончавшегося в 1831 г. февраля 16 дня на 76 году своей жизни. Благодарю незабвенному».

Сохранилась написанная рукой Римского-Корсакова программа из пяти пунктов одного из праздников, приведенная в книге Владимира Муравьева «Тверской бульвар»:

«1. Съезд на Тверской. Там шоколад, кофий, чай, сухари, крендели, цвейбаки (двойные булочки. – В.М.), а кто попросит водки или вина, чтоб было все приготовлено.

2. На даче. Когда приедет катанье, в ту же минуту завтрак и блины.

3. Потом, когда пойдут на горы, то музыку и певчих туды, к храму.

4. Потом рыбная ловля. Когда будут кататься, тогда и тянуть невод.

5. Потом, когда с гор будут возвращаться, пустить зайцев и стаю гончих. А ежели будет уже темно, то иллюминировать дорожки и дом. И во все время музыки в саду играть и певчим петь попеременно».

В Братцево сохранился храм, часть погоста и усадебный дворец с бельведером, как предполагают, созданный Александром Воронихиным, творцом Казанского собора в Санкт-Петербурге.

Юный Лермонтов еще застал на Тверском бульваре типы, до него высмеянные Батюшковым и неизвестными пиитами 1820-х годов, увидел «невинную красотку 40 лет», «вздыхателей и бедных женихов» и начал было писать свой «Булевар»:

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я, для помощи призвав —
Подговорю, – и все пойдет на лад,
Ругай людей, но лишь ругай остро,
Не то – ко всем чертям твое перо!

Ругать передумал. В отличие от Лермонтова женатый Пушкин ничего для себя интересного на бульваре больше не увидел. Не нашел на привычном месте героев «Горя от ума», ни Фамусова, ни Татьяны Юрьевны. «Хлестова в могиле; Репетилов в деревне»... Не уви-

дев былого аристократического блеска, он с объективностью историка признал: промышленность в Москве «оживилась и развилась с необыкновенною силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Что его отнюдь не печалило...

Приехавший учиться в Московском университете, Белинский, сравнивая две столицы, нашел, что «ядро коренного московского народонаселения составляет купечество». Его поразило, что купцами «кишат даже самые аристократические улицы и места в Москве, каковы Тверская, Тверской бульвар...»

В начале сороковых годов XIX века автор исторических романов Михаил Загоскин издал книгу под заголовком «Москва и москвичи», заимствованном в XX веке Владимиром Гиляровским. Гуляя на Тверском бульваре, его герой, присев на скамейку, подслушал невольно разговор двух зажиточных приятелей. И воспроизвел их диалог об удачных покупках. Один приобрел на аукционе картину за немалые деньги – триста двадцать пять рублей ассигнациями – и был рад:

– Славная картина; огромная, братец, – во весь простенок. Одна рамка этих денег стоит...

Другой на том же торжище накупил книг на французском языке, которого не знал.

– Диковинный переплет! И все такого большого формата, с золотым обрезом, есть и с картинками... Прекрасные книги, любо посмотреть, братец! А в шкафу под стеклом еще будет виднее!

В другом диалоге помещик, в Париже гулявший каждый день по бульварам, жаловался, что в Москве ему некуда пойти, потому что на Тверском бульваре встретит «двух-трех порядочных людей и целую толпу оборванных мужиков, запачканных прачек...»

На Тверском бульваре начинается сюжет классической повести «Тарантас». Она была роскошно издана в 1845 году очень большим по тем временам тиражом 5000 экземпляров, который и в наши дни считается для прозы немалым. Повесть написал Владимир Соллогуб, уроженец Петербурга, граф от рождения, принадлежавший к высшему аристократическому кругу. Венчал его духовник императора в присутствии Николая I.

Комедию Соллогуба «Чиновник» поставил Александринский театр, на домашней сцене во дворце ее с одобрением смотрел Александр II, сказавший: «Давно бы пора говорить это».

Граф всю жизнь состоял на государственной службе и постоянно сочинял прозу, стихи, пьесы, мемуары. О себе Соллогуб говорил, что он литератор между светскими людьми и светский человек среди литераторов. На его стихи, посвященные «Княгине Ю.С. Г...ной», «Нет, не люблю я вас, да и любить не стану, коварных ваших глаз не верю я обману», вписанные в альбом родственницы Юлии Сергеевны Голицыной, звучит романс полтора века в самых престижных залах.

В «Крылатых словах» русского языка два перла принадлежат Соллогубу: «Беда от нежного сердца», от названия самого популярного русского водевиля; «Благодарю – не ожидал» происходит от шуточного стихотворного экспромта, где каждая строфа заканчивалась таким рефреном.

В конце жизни Пушкин состоял с графом в дружеских отношениях.

С Лермонтовым Соллогуб сочинил стихотворение:

О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам...

Лермонтов, отправляясь на Кавказ, предложил Соллогубу: «Вернусь... выйду в отставку и тогда давай вместе издавать журнал». Белинский называл графа «первым писа-

телем современной русской литературы». Гоголь читал в рукописи его повесть. Тургенев ценил талант писателя, его принимал в Ясной Поляне Лев Толстой.

Всего этого могло не случиться, если бы весной 1836 года незадолго до выстрела на Черной речке состоялась дуэль. Пушкину показалось, что молодой граф бестактно говорил с Натальей Николаевной. Помирил в Москве дуэлянтов Павел Нащокин, а к осени былая вражда сменилась взаимной приязнью, Пушкин предложил Соллогубу быть секундантом на дуэли с Дантесом, которая в тот раз не состоялась благодаря графу.

Вся Россия зачитывалась историей о том, как два друга, мечтатель и скептик, западник и славянофил, встретившись на Тверском бульваре, решили ехать из Москвы в симбирское село Мордасы. Они садятся в тарантас, едут по бездорожью, видят перед собой печальную российскую действительность, «скрывающую ее великое предназначение». Во сне мечтатель видит идеальное будущее России, Москву и Тверской бульвар:

«Вековые деревья осеняли бульвар густою широкою тенью. По сторонам его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что уже при одном взгляде на них душа наполнялась благородною любовью к изящному, отрадным чувством гармонии. Каждый дом казался храмом искусства, а не чванной выставкой бестолковой роскоши».

Новые дворцы не появились на Тверском бульваре, на месте сохранились малая часть из того, что видели мечтатель и скептик. Но именно эти «небольшие домики постройки начала XIX века в стиле ампира», как сказано в старом путеводителе, наполняют душу любовью и чувством гармонии.

Дипломат, живший в лучших городах Европы, великий поэт Федор Тютчев писал из Москвы жене: «Есть что-то удивительно ободряющее меня и освежающее в этом городе... Тверской бульвар неизменно производит на меня свое действие».

Во многих сочинениях классиков фигурирует Тверской бульвар, но об этом – в следующем «хождении».

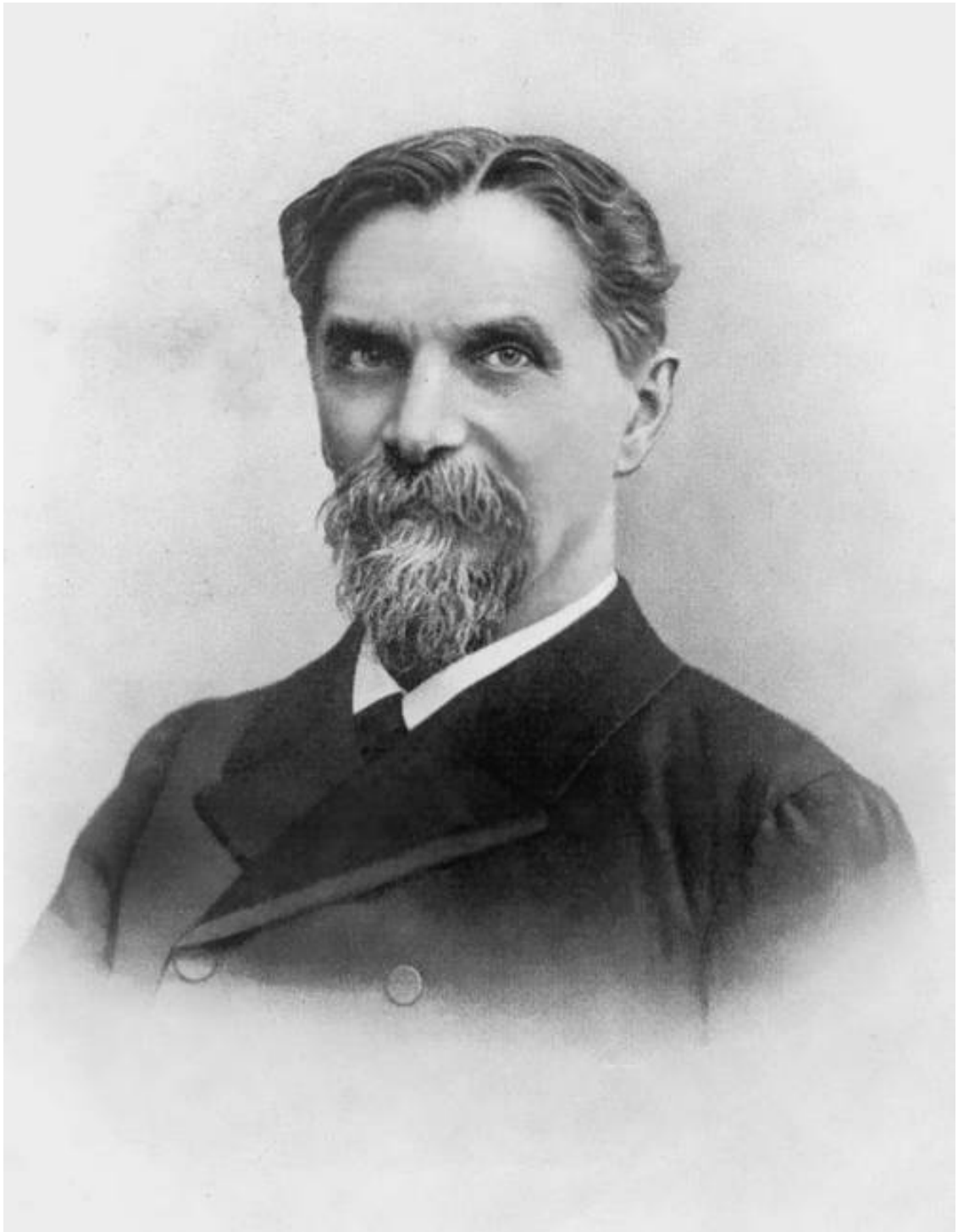
Ботаник и борец в образе профессора Тимирязева

Начинается Тверской бульвар памятником Тимирязеву, установленном при жизни Ленина в 1923 году. В списке монументов, подлежащих украсить «красную столицу» по его настоянию, имени профессора Московского университета не было. Въехав в Кремль, вождь партии вместо разрушенных монументов «царей и их слуг» задумал увековечить тех, кто с ними боролся: «Нам нужно изобразить и Марата, и Дантона, Бабефа, Бакунина и многих других революционеров старых времен...»

В «Списке лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР», насчитывалось свыше 30 революционеров всех времен и народов, начиная со Спартака, Брута, кончая Софьей Перовской и Кибальчиком. За ними упоминалось 35 фигур из сферы литературы, искусства и науки. План был настолько грандиозный, насколько и утопичный. За все годы советской власти установили девять памятников из этого списка в бронзе и камне. Бюсты и статуи из недолговечных материалов, во множестве появившиеся после революции, не сохранились.

Первым увековечила в бетоне Робеспьера в Александровском саду студентка Бронислава Сandomирская, ученица скульптора Волнухина. Под музыку «Марсельезы» на глазах красноармейцев его открыли 3 ноября 1918 года, а 7 ноября, в первую годовщину революции, взорвали. И не восстановили. Постаревшую Сandomирскую я увидел, когда она вернулась из лагеря и принесла в редакцию «Московской правды» фотографию статуи – все, что у нее осталось.

Имени Тимирязева в ленинском «плане монументальной пропаганды» не оказалось. Но для памятника ему нашелся вечный камень и лучшее место в городе на площади Никитских ворот. За что такая честь? За то, что известный ботаник и физиолог, член-корреспондент Императорской Петербургской академии, увенчанный мантией почетного доктора наук Кембриджского университета за приверженность учению Дарвина, в отличие от страдавших при «военном коммунизме» коллег не только принял советскую власть, но и рукоплескал ей.

К.А. Тимирязев

Оппозиционность царскому правительству Тимирязев проявил в 1911 году. Тогда назначенный министром народного просвещения профессор Московского университета Кассо начал искоренять либерализм в профессорской и студенческой среде. Получив образование в лучших школах Европы, Кассо защитил там магистерскую и докторскую диссертации. Но, обращая внимание читателей, вернувшись на родину, чтобы занять кафедру, ему пришлось защищать обе диссертации в России. Общаясь до получения портфеля министра среди студентов, Кассо хорошо знал, что они не столько учились, сколько занимались политикой. Студент Московского университета Каракозов стрелял в Александра II. Студент

Казанского университета Ульянов основал партию большевиков. Студенты убивали губернаторов и градоначальников.

Вступив в должность, Кассо выпустил циркуляр «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», возложив его на ректоров и профессоров. В знак протеста свыше ста из них во главе с ректором Московского университета Мануйловым (а не профессором Тимирязевым, как писала советская энциклопедия «Москва») подали прошения об отставке. (В их числе оказались те, кто при советской власти стали пассажирами «философского парохода» и вынужденными эмигрантами.) Когда в Государственной думе обсуждалось «дело Кассо», большевик Бадаев произнес речь, написанную для него Лениным: «Наше министерство народного просвещения есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию».

В личной библиотеке в Кремле Ленин хранил сборник речей Тимирязева «Насущные задачи современного естествознания», его брошюру, изданную в 1918 году в Петрограде, под названием «Красное знамя. (Притча ученого)». Под этим знаменем вошел автор в Социалистическую академию в Москве, созданную в противовес «буржуазной» Петербургской академии наук.

Попали в библиотеку вождя книга профессора «Ч. Дарвин и К. Маркс» и сборник статей «Демократия и наука». Его автор отправил в Кремль с надписью «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности». Ленин книгу прочитал, обрадовался и ответил Тимирязеву, жившему рядом с Кремлем в доме университета: «Был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть». После чего рабочие Московско-Курской железной дороги выдвинули Климента Аркадьевича на 73-м году жизни депутатом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Стенографы записали его выступление, и по нему можно судить, что профессор был ярким оратором, чья речь по напору и потоку слов напоминала стиль Ильича.

«— Работать, работать и работать! Вот призывный клич, который должен раздаваться с утра и до вечера и с края в край многонациональной страны, имеющей законное право гордиться тем, что она уже совершила, но еще не получившей заслуженной награды за все свои жертвы, за все свои подвиги. Нет в эту минуту труда мелкого, неважного, а и подавно нет труда постыдного. Есть один труд, необходимый и осмысленный...

Итак, товарищи, все за общую работу, не покладая рук, и да процветает наша Советская республика, созданная самоотверженным подвигом рабочих и крестьян, только что на глазах у нас спасенная нашей славной Красной Армией!»

Столь же убедительно написал профессор для энциклопедии «Гранат» статью «Мендель». В ней вывел его гениальное открытие наследственности за черту науки. Что помогло «народному академику» Лысенко, опираясь на авторитет Тимирязева, громить генетиков, наводить «порядок» в биологии.

Радость депутата длилась недолго. Вскоре после приветов от Ленина автора «Науки и демократии» с почетом похоронили на Новодевичьем кладбище.

Профессор Тимирязев послужил прообразом профессора Полежаева, главного героя фильма «Депутат Балтики», в 1937 году обошедшего экраны СССР. Действие в нем происходит в Петрограде после взятия Зимнего дворца. Седовласый профессор публикует статью, наподобие «Красного знамени», и единственный в своем кругу горячо приветствует советскую власть, хотя она обрекла ученых на невиданные страдания. Все отворачиваются от Полежаева, поддержку он находит у революционных матросов. Он просвещает их, как студентов, а они избирают его депутатом от Балтийского флота...

Монумент Тимирязеву заложили накануне пятилетия победы большевиков. Замурованная доска гласила, что это памятник «великому ученому и поборнику научной истины и

справедливости человеческих отношений». На доске значились авторы проекта и то обстоятельство, что памятник сооружен Моссоветом, ВЦИКом, Наркомземом с «использованием труда безработных». Выступая на церемонии, глава Московского Совета Лев Каменев сказал о Тимирязеве: *«В его лице объединены великий ученый и великий революционер»*. Через год, открывая памятник, этот друг Ленина нашел слова, объясняющие, почему советская власть установила первый безупречный по исполнению памятник не пламенному революционеру, а ботанику:

«Тимирязев умер с полным убеждением правоты большевиков и уверенностью в окончательной победе коммунизма!»

Осипу Мандельштаму, жившему на Тверском бульваре, памятник понравился:

«Самый спокойный памятник из всех, какие я видел. Он стоит у Никитских ворот, запеленатый в зернистый гранит. Фигура мыслителя, приговоренного к жизни».

Нашелся искусствовед, развенчавший памятник:

«Тимирязев, этот мыслитель-общественник, ученый-борец дан как какая-то скованная тогой учености, совершенно обособленная, стоящая вне времени, вне эпохи индивидуальность, как фигура “великого человека” в буржуазном понимании этого слова...»

Футуристу Маяковскому вполне реалистический образ не понравился:

«Тимирязев».

Руки, скрещенные на животе ниже пояса, дали повод острякам разразиться соленой шуткой. В повести «Светлая личность» Ильф и Петров описали город Пищеславль, где, желая превзойти Москву, установили Тимирязева на коне со свеклой в руке: *«Так великий агроном и скакал по бывшей Соборной площади, разрывая шпорами бока своего коня».*

Ни один великий ученый, разве что Ломоносов, не удостоился таких почестей, как Тимирязев. Второй памятник ему установлен перед Сельскохозяйственной академией, названной его именем. Бюст профессора – в одном ряду с выдающимися естествоиспытателями перед Московским университетом на Воробьевых горах. Именем Тимирязева называют в Москве улицу и проезд, станцию метро, район, институт физиологии и Биологический музей. Академия наук присуждает золотую медаль и премию Тимирязева.

В военном 1942 году в квартире, не уплотненной жильцами из подвалов и барачников, открылся музей. В Москве десять музеев и кабинетов классиков науки, все они находятся в зданиях на закрытой территории институтов. Просто так туда не войти. Один музей-квартира К.А. Тимирязева открыт ежедневно, кроме выходных.

Увековечить «великого ученого и великого революционера» поручили Сергею Меркурову. За плечами 37-летнего уроженца Кавказа были реальное училище в Тифлисе, Политехнический институт в Киеве, откуда его исключили за увлечение политикой, философский факультет в Цюрихе. И учение в Мюнхенской академии художеств. Три года скульптор жил в Париже, очарованный искусством Родена. Под влиянием его «Мыслителя» творил свою «Мысль», пытаясь приблизиться к идеалу.

Собственный почерк выработал под влиянием модерна, символизма Европы и монументов Древнего Египта, грандиозных статуй фараонам. Не уступали им размерами созданные Меркуровым гигантские статуи Ленина и Сталина на берегах Канала имени Москвы, 20 железнодорожных составов доставили ему гранитные глыбы весом до 100 тонн. Из кованной меди поднялся Сталин на 49 метра в Ереване. Фигура вождя в шинели возвышалась в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Меркуров умер за год до смерти Сталина и поэтому не видел, как его гигантские изваяния Хрущев разрушал, борясь с «культом личности». Из красного порфира Сталин с отбитым носом попал в Парк скульптур на Крымской набережной. Статую Ленина в нише зала заседаний Верховного Совета СССР и РСФСР в Кремле убрали, когда воссоздавали трон-

ные залы Большого дворца. Сохранилась статуя Ленина в сквере на Тверской площади перед зданием бывшего Института марксизма-ленинизма.

Вернувшийся из Франции в Россию в 1910 году Меркуров проявлял себя в малых формах. Ему поручили снять посмертную маску со Льва Толстого. С тех пор приглашали выполнить эту миссию свыше 60 раз после смерти Сурикова, Ленина, Маяковского, Булгакова... Маски помогли создать надгробные бюсты Свердлова, Фрунзе, Дзержинского, Калинина, Жданова на Красной площади.

В «плане монументальной пропаганды» за Меркуровым закрепили Достоевского. Его статую он высек из финляндского гранита до Первой мировой войны и не предназначал для улицы. Изваял 20 вариантов, прежде чем достиг совершенства. До революции создал фигуру Льва Толстого. Им при новой власти нашлось место за стенами мастерской. Достоевского установили на Цветном бульваре у Трубной площади. Сейчас эта статуя – во дворе дома, где родился писатель, на бывшей Божедомке, улице Достоевского. «Матерого человечища», как назвал Толстого Ленин, переместили с Девичьего Поля на Пречистенку, во двор музея.

Из цельного блока черного гранита Меркуров изваял Тимирязева в мантии. На постаменте из кубов высечена «кривая физиологии растений», принесшая ему известность и надпись: «К.А. Тимирязев. Борцу и мыслителю». Перед памятником – каменные микроскопы, орудия труда профессора. То был памятник, достойный стоять на одном бульваре с Пушкиным.

Статуя «Мысль», радовавшая скульптора в мастерской, после того как она опустела, стала его надгробием на Новодевичем кладбище.

В дни Отечественной войны при ночной бомбардировке Москвы взрывная волна снесла с постамента фигуру Тимирязева. Утром она вернулась на свое место с ранами, заметными до сих пор.

Там, где сейчас памятник, в старой Москве стоял трехэтажный доходный дом с магазинами и пивной под названием «Седан», популярной у студентов. Выгорело здание изнутри в октябре 1917 года. С одной стороны по нему била артиллерия белых, с другой стороны строчили пулеметы красных. Пострадавшие от снарядов здания у Никитских ворот восстановили. А дом с пивной снесли. Владел им князь Глеб Григорьевич Гагарин, живший на Моховой в собственном доме. Его брат Георгий Григорьевич Гагарин, клинский уездный предводитель дворянства, член Московского дворянского депутатского собрания, состоял в Обществе помощи погорельцам.

Имя Григория передавалось сыновьям, начиная от тайного советника Григория Ивановича Гагарина. Он учился в Московском университетском благородном пансионе в одно время с Жуковским, считался «отличным воспитанником». В молодости сочинял стихи и прозу, переводил с французского Руссо и Мармонтеля, дружил с известными литераторами. Его избрали почетным членом «Арзамаса», в котором состоял Пушкин. Служить князь начал в Коллегии иностранных дел – переводчиком в московском архиве. Через несколько лет «архивный юноша» стал дипломатом, как пишет его биограф, в «чужих краях» – Константинополе, Париже, Риме, Мюнхене, где закончил службу в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра. В дни Отечественной войны 1812 года на свои деньги сформировал полк.

Сын князя Григорий Григорьевич слыл художником-любителем, много лет служил вице-президентом Академии художеств при Александре II. А внук Григорий Григорьевич избирался депутатом I Государственной думы. Его другой внук, Андрей Григорьевич Гагарин, служил первым директором Петербургского политехнического института.

...Перед нашествием французов в Петербурге вышли анонимно «Эротические стихотворения», которые приписывались Григорию Ивановичу Гагарину. Но они принадлежали другому князю Гагарину, также дипломату, поэту и переводчику, Павлу Гавриловичу Гага-

рину. Ничего похожего на то, что подразумевают под эротикой сегодня, в них нет. Это сентиментальные любовные признания. Одно из них – «Очи черные и голубые» – начиналось так:

Лирой громкою иные
Славят сильных на бою;
Очи черны, голубые —
Вам я песенку спою;
И в награду я мечтаю
От любви себе цветок:
Я ногами попираю
Кровью купленный венок.

По иронии судьбы, предводители дворянства, покровители Общества помощи погорельцам спасти от огня свои владения и Россию не могли. В справочнике «Вся Москва» на 1917 год» я насчитал четыре княжны и четырех князей Гагариных. Всем пришлось покинуть на произвол судьбы, бросить свои дома. В одном из них на Поварской, где ИМЛИ – Институт мировой литературы, двадцать лет назад я впервые сообщил о найденных рукописях «Тихого Дона»...

Тверской бульвар в искусстве и в трех революциях

У классиков, начиная с Пушкина, Тверской бульвар упоминается много раз. В «Войне и мире» по нему ездил в санях Пьер Безухов, в «Анне Карениной» в сопровождении лакея и гувернантки гуляли Долли, Натали и Кити, и сам Лев Николаевич, будучи ребенком, совершал подобные прогулки.

У Тургенева в повести «Клара Милич (После смерти)» бывший студент Московского университета Яков томится на бульваре в ожидании возлюбленной актрисы Клары. В рассказе Чехова «Припадок» сюжет завязывается на этом же месте.

В «Хождении по мукам» Алексея Толстого, когда по вечерам играл духовой оркестр, сюда приходили сестры Даша и Катя Булавины слушать музыку, Они случайно увидели отправлявшегося на войну петербургского красавца-поэта, в которого обе были безнадежно влюблены. Став Дашей Телегиной, героиня романа встречает здесь Бориса Савинкова, причастного к самым громким убийствам царских сановников, бывшего помощника военного министра Временного правительства, безуспешно пытавшегося свергнуть советскую власть.

Не только в романе, но и наяву вождь боевой организации партии социалистов-революционеров часто бывал на Тверском бульваре. *«Вчера вечером я приехал в Москву. Она все та же. Горят кресты на церквях, визжат по снегу полозья. По утрам мороз, узоры на окнах, и у Страстного монастыря звонят к обедне. Я люблю Москву. Она мне родная. ... На бульварах темно, мелкий снег. Где-то поют куранты. Я один, ни души. Передо мною мирная жизнь».* Это цитата из романа «Конь бледный». Автор его – писатель Ропшин, он же Борис Викторович Савинков.

А теперь цитирую «Записки террориста», изданные в СССР спустя три года после его ареста при переходе государственной границы и последовавшего после допроса самоубийства на Лубянке, а может быть, убийства:

«Борис Вноровский снял офицерскую форму и по фальшивому паспорту поселился в гостинице “Националь” на Тверской. В среду я встретился с ним в “Международном ресторане” на Тверском бульваре».

Студенту Московского университета дворянину Борису передал Савинков бомбу и доверил метнуть ее в адмирала Федора Дубасова, приказавшего стрелять из пушек по восставшей Пресне. В форме морского офицера молодой террорист исполнил поручение, швырнул бомбу в генерал-губернатора, его ранил, адъютанта убил и сам погиб на месте, обливая кровью Тверскую улицу перед резиденцией наместника царя.

Чай кончен. Удлинились тени,
И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий, на весенний
Тверской бульвар...

Так Марина Цветаева начинает поэму «Чародей», посвященную сестре Анастасии Цветаевой, вспоминая скоротечную страстную любовь, испытанную сестрами к сверстнику-поэту. (На склоне лет Анастасия Ивановна, испытавшая тюрьмы и лагеря, рассказала мне, что от Марины, решившей вернуться из эмиграции в СССР, муж и дочь, приехавшие ранее нее в Москву, скрыли новость об ее аресте.)

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,

Стоя я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой.

Памятник С.А. Есенину. Фото А.А. Скорохода

С недавних пор Сергей Есенин в бронзе стоит посреди бульвара.

«Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара резною чугуною решеткой... Дом назывался “домом Грибоедова” на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя... Ну, владела или не владела – мы того не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было...»

В «Мастере и Маргарите» этот особняк на Тверском бульваре Михаил Булгаков точно называет «Домом Герцена», встреча с ним нас ждет впереди.

В живописи Тверского бульвара не так много, как в литературе. Посвященные ему акварель Константина Юона и две картины Аристарха Лентулова в Третьяковской галерее известны. О третьей – малоизвестной картине Зураба Церетели – расскажу позднее.

Начну с «Ночи на Тверском бульваре», созданной сто лет назад сыном страхового агента, выходца из Швейцарии. Юон родился в Москве, учился в классах на Мясницкой. Его не тянуло на родину отца. Пленила древняя архитектура Москвы, особенно храмы и дворцы на Боровицком холме. Арбат, хотя сам художник на нем жил и обучал живописи в своей школе, его не вдохновил. Никто из русских художников, как Юон, не писал так часто Красную площадь и Кремль. На его картинах – вербные базары и кормление голубей на Васильевском спуске. Он запечатлел захват Кремля в октябре 1917 года, демонстрации и военные парады на Красной площади, включая тот, что состоялся, когда Москва была на осадном положении, 7 ноября 1941 года.

На картине Юона «Лубянская площадь», с непорухенным Китай-городом, тьма извозчиков кружит на санях вокруг единственного авто зимой 1905 года. Тогда еще не пролилась на снег кровь в декабре. Баррикад, поваленных трамвайных мачт и телеграфных столбов у художника на картинах нет. Есть «Кофейня» на Тверском бульваре. То было излюбленное место встречи художников и поэтов напротив дома, где сейчас Театр имени Пушкина.

Публикуемая в книге акварель написана закоренелым реалистом. Залитый светом электричества бульвар полон ночной жизни. Горят огни фонарей, манит прохожих заведение, где у входа стоит, как часовой, половой в белом. В книге «Москва в моем творчестве» Юон назвал «Ночь на Тверском бульваре» ноктюрном, «с таинственными силуэтами фигур, выступающих на фоне рассыпавшегося звездой света от яркого фонаря кафе». За столиками – завсегдатаи. Две пары молодых мужчин и женщин и две грациозные дамы в многоэтажных шляпках и длиннополых платьях по парижской моде доживают счастливые дни перед грядущими революциями.

Игрой света и тьмы акварель напоминает картины импрессионистов, писавших парижские бульвары и кафе с красивыми женщинами. Юон их видел, когда жил в Париже, учился там, когда писал декорации к «Борису Годунову» для «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Но за импрессионистами не последовал, что позволило жить без гонений в советской Москве, не признавшей «упадочное искусство».

Кофейня на Тверском бульваре, по словам Александра Чаянова, «некогда претворена в одной из картин Юона». На бульваре началось действие одной из его фантастических повестей под многословным названием: «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. Романтическая повесть, написанная ботаником Х и иллюстрированная антропологом А.М.: Изд. авт. и художника, II год республики».

То есть 1918 год. Тогда юная советская власть позволяла литературные вольности. Герой повести – архитектор, страдавший от неразделенной любви, едет в Венецию, чтобы избавиться от сердечных мук. Чаянов в молодости брал уроки рисования и живописи в школе Юона. Сам гравировал и коллекционировал гравюры художников Западной Европы, собрал замечательную коллекцию. Вымышленных героев наделял своими увлечениями. Архитектор коллекционировал иконы, фарфор, эротическую графику и стремился в Вене-

цию еще и потому, чтобы увидеть Тициана, Джорджоне и художников, чьи имена мало кто знал.

В кофейне на Тверском бульваре бывал «московский ботаник Х». Он же товарищ министра земледелия во Временном правительстве, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, основатель ее института экономики Александр Чаянов. А также литератор и искусствовед, знаток Москвы, читавший лекции по краеведению в Московском университете... Ему бы с такими талантами родиться в эпоху Возрождения. А на его долю выпало жить в годы «военного коммунизма», нэпа и «Большого террора», который не обошел стороной полного жизни и страстей гения.

Его соавтор, иллюстратор фантастической повести, скрывавшийся под псевдонимом «антрополога А.М.», известен. Им был график, живописец и реставратор Алексей Рыбников. В него влюбилась жена «ботаника Х» и ушла от мужа к «антропологу».

Очевидно, поэтому другие фантастические повести украшал гравюрами другой художник, потомок запорожского казака Алексей Кравченко. До революции он успел совершить путешествия не только по Италии, но и по Индии. Прославился гравюрами, иллюстрациями русской классики. В двадцатые годы удостоился Гран-при в Париже на международной выставке прикладного искусства. Считают, что этот художник «надолго определил развитие “романтической тенденции” в отечественной графике». В ХХI веке Алексей Рыбников не забыт энциклопедиями и коллекционерами, его выставки прошли в Академии художеств и Третьяковской галерее.

Акварель «Ночь на Тверском бульваре» появилась четыре года спустя после митингов у памятника Пушкину в 1905 году, демонстраций, схваток москвичей с полицией, казаками и жандармами, предшественниками внутренних войск. О них напоминает мемориальная доска на доме 20 с надписью: «Здесь во время октябрьских боев 1917 года при взятии дома градоначальника героически погибли члены Союза рабочей молодежи товарищи Жебрунов и Барболин». Николай Жебрунов пал в 19 лет, Сергей Барболин – в 20. Николай служил в авторемонтной мастерской в Сокольниках. Сергей – там же в трамвайной мастерской, и перед гибелью захватывал вагон с оружием на станции Сокольники-товарная.

Другой памятник малозаметен среди зелени бульвара. Каменный куб поставлен на ребро в землю с надписью «В память о революционной борьбе московских рабочих в сентябре 1905 года и в октябре 1917 года». В надписи – явное умолчание. Революции – на совести не только рабочих, но и множества тех, кто не стоял у станка.

Первыми явную борьбу с царским правительством начали студенты Московского университета. Узнав, что за «беспорядки» отдали в солдаты студентов Киевского университета, 23 февраля 1901 года возник бурный митинг в здании на Моховой. Его окружила полиция и конные жандармы. Когда взбунтовавших студентов заперли в Манеже, им на помощь пришла вся Москва.

«Толпа двинулась по Тверской улице к дому генерал-губернатора с красными знаменами. – Где взять этих красных символов народного братства? Какой-то смельчак, недолго думая, сорвал с подъезда казенный флаг и стал поспешно отдирать белые и синие полосы. Новая идея нашла подражателей...»

К толпе с балкона вышел генерал-губернатор и увещевал выходить под российским флагом. Толпа дошла до памятника Пушкину, и начался митинг, который длился день и ночь под пение “Марсельезы” и возгласы “Да здравствует свобода!”»

Так написал участник демонстрации Владимир Тан-Богораз, автор декадентских стихотворений и «Чукотских рассказов», романов о жизни народов Севера, этнограф и лингвист с мировым именем. Наукой начал заниматься в царской ссылке. Три года он кочевал среди чукчей, изучая их язык, быт и нравы, жил в Соединенных Штатах и там курировал этногра-

фическую коллекцию Американского музея естественной истории. Перед революцией 1905 года вышла его книга «Русские в Канаде». Таких интеллигентов на демонстрациях и в революциях, повторюсь, было множество.

В тот день 1901 года появилась на Тверском бульваре первая в истории Москвы баррикада, ставшая символом русской революции. Она нарастала как снежный ком, падающий с горы, после расстрела у стен Зимнего дворца 9 января. В ответ на расправу во власть имущих полетели пули и бомбы социалистов-революционеров.

Ведомый Борисом Савинковым недоучившийся студент Московского, Санкт-Петербургского и Львовского университетов Иван Каляев, партийная кличка «Поэт», в Кремле взорвал великого князя Сергея Александровича. Другой эсер, учитель Петр Куликовский, на Тверском бульваре, 22, в доме московской полиции, где принимал население градоначальник граф Шувалов, выстрелами в упор его смертельно ранил.

Закрылся Московский университет. Забастовали пекарни. Произошло первое столкновение с полицией. Начало всеобщей стачки безмерно обрадовало томившегося в эмиграции Ленина и побудило назвать его «первой молнией грозы, осветившей поле сражения».

И в тот же день, 27 сентября 1901 года, в Большом театре состоялась премьера оперы Римского-Корсакова «Пан Воевода», поставленной Сергеем Рахманиновым. Но всем было не до премьеры. Все слушали «музыку революции», как скажет позднее Александр Блок.

«В Москве происходят сильные беспорядки, – писал композитор жене из Москвы в Санкт-Петербург после премьеры. – Газеты не выходят. Забастовали рабочие всех типографий; на Тверском и Страстном бульваре ходят толпы, говорят речи; разгоняют нагайками. Третьего дня я сам видел громадную толпу, шедшую с пением “Дубинушки”, а Тверская улица была перегорожена казаками и жандармами».

Вернувшись домой, Римский-Корсаков обработал песню для симфонического оркестра с хором. «Дубинушку» в упоении пел Федор Шаляпин в «Метрополе», став на стол в роскошном зале ресторана, заполненном господами. Присяжные поверенные, преуспевавшие врачи, архитекторы, домовладельцы хором подпевали, не представляя, чем кончатся демонстрации. Как известно, завершилось все огнем и кровью, похоронами тысячи убитых.

Вторую – Февральскую – революцию все запомнили без крови, в красном цвете бантов и флагов. С ними вышли на улицы домовладельцы и бездомные, офицеры и солдаты, аристократы и пролетарии. На двух картинах Аристарха Лентулова «Тверской бульвар» красный цвет горит на фоне куполов Страстного монастыря и памятника Пушкину.

Этот сын сельского священника после духовного училища и семинарии занимался живописью в Пензе, Киеве, Санкт-Петербурге. Жил в Италии и Франции, когда авангард породил кубизм, футуризм, экспрессионизм и другие левые направления. Все они слились на его картинах с образами древней русской архитектуры, иконописи и лубка в стиль, узнаваемый с первого взгляда. На больших ярких панно «Москва», «Василий Блаженный», «Звон колоколов Ивана Великого» в «динамично сталкивающихся звучно окрашенных плоскостях». В Москве вошел в авангардное объединение «Бубновый валет», экспонировался на выставках «Мира искусства», писал портреты, оформлял Театральную площадь и Большой театр, многие спектакли. При советской власти преподавал, в годы пятилеток писал индустриальные пейзажи, создал картину «Строительство метро на Лубянской площади», где уничтожали древние стены, башню Китайгорода и церкви. Отдал дань соцреализму. И умер в военном 1943 году.

О третьей революции на Тверском бульваре и третьем авторе, написавшем «Тверской бульвар», – далее.

Архитекторы Посохин и Мндоянц. И художник Зураб Церетели

Акварель «Тверской бульвар ночью» Константин Юон нарисовал сто лет назад, когда пылала огнями «Кофейня», облюбованная художниками. «Тверской бульвар. Сретенский монастырь. 1917 год» Аристарх Лентулов написал в дни Февральской революции. Оба жили вблизи бульвара. Третью подобную картину написал художник, глядя из окна своей мастерской в доме 9 на Тверском бульваре в 60-е годы XX века. Прописки с этим адресом у него не было, потому что юридически полуподвальное помещение считалось нежилым. Но с утра до поздней ночи в нем царила жизнь, множились картины, встречались друзья, являлись гости. Сюда из номера гостиницы «Пекин» перебрался неизвестный публике живописец. В многолюдном «Моспроекте» ему нашли комнату, где он, как художник проекта, занимался уникальным курортом на берегу Черного моря вблизи правительственных дач. Демократ Хрущев пожелал, чтобы у реликтовой рощи Пицунды граждане СССР пользовались конституционным правом на отдых.

Новоселью на Тверском бульваре молодой художник был обязан случаю и двум влиятельным московским мэтрам. Один из них, Михаил Посохин, – родом из Томска, другой, Ашот Мндоянц, – из Батуми. Оба одноклассники, им в уходящем 2010 году исполнилось 100 лет со дня рождения. В XX веке они повлияли на облик Москвы, сделали для нее так много, как во второй половине XVIII века Баженов и Казаков, а в первой половине XIX века – Бове и Тон.

Как пишут, то были люди одного возраста, но при этом совершенно разные по характеру, темпераменту и наружности. Хладнокровный, сдержанный во внешнем проявлении чувств, светлоглазый сибиряк. Экспансивный кавказец. И еще сказано: оба были одержимы архитектурой и только в ней видели смысл жизни.

Знакомство их состоялось в Москве, в мастерской автора мавзолея Ленина Щусева. С тех пор Посохин и Мндоянц дружили и творили вдвоем, подобно Ильфу и Петрову. По словам сына Посохина Михаила: *«Они работали целый день в мастерской, потом вместе шли с работы, продолжая обсуждать новые идеи по дороге, чаще всего приходили к нам, ужинали, пили чай, а потом на освободившемся столе, а зачастую и на полу раскладывали кальки и бумагу и продолжали работать, искать, обсуждать, эскизировать».*

Все у них получалось, все было востребовано. Когда их сверстники тиражировали типовые дома, Посохин и Мндоянц создавали уникальные здания в центре Москвы. Их сблизало жгучее желание рисовать не только фасады. С детства любили живопись, а став архитекторами, зодчество синтезировали с искусством, работали с самыми известными художниками Москвы и Ленинграда.

Так, с пятикратным лауреатом Сталинских премий Томским перестроили старинное здание на Знаменке для Наркомата обороны СССР. Скульптор украсил фасад гербом СССР, звездами, знаменами и оружием. То была первая самостоятельная работа архитекторов в 33 года.

Сталинскую высотку на площади Восстания – Кудринской площади украшал декор Аникушина, Никогосяна, Бабурина. Это имена в советском искусстве, народные художники СССР, лауреаты Сталинской и Ленинской премии.

Во Дворце съездов в Кремле занавес огромного зала выполнили классики соцреализма Мыльников и Дейнека, изобразив на нем портрет Ленина и красное знамя в лучах света.

На Новом Арбате роспись кинотеатра «Октябрь» выполнили художники «сурового стиля», увековечив в мозаике «Завоевание Октября» «человека с ружьем» и «комиссаров в пыльных шлемах». Там и Серп, и Молот вознеслись.

В Пицунде архитекторы не обратились ни к одному из известных художников, хотя каждый считал бы за честь работать с ними. Уроженец Батуми и бывший главный архитектор этого города Ашот Мндоянц случайно зашел в кабинет главного архитектора Тбилиси. И застыл от изумления, увидев эскиз росписи детского кинотеатра, не реализованного в натуре. Лицом к стене стоял мальчик и рисовал на ней разноцветные грузовики и паровоз с вагонами, самолет и ракету, дома и заводские трубы, синюю гору и золотистое поле. В углу картины чернела идеально нарисованная ваза с пучком кистей, как знак того, что роспись выполнена профессионалом, выпускником академии художеств.

Мндоянц с первого взгляда понял, что неожиданно встретил талант, который они с Посохиным искали в Москве и Ленинграде. Пятнадцатизэтажные корпуса курорта, как высотку, они не хотели венчать статуями тружеников, декорировать звездами, серпами с молотом, красными знаменами. Ни соцреализма, ни «сурового стиля» видеть больше не хотели.

– Я нашел художника, – обрадовал Мндоянц Посохина.

– Кто такой? Где он?

Кремлевский дворец съездов. Архитекторы М.В. Посохин и А.А. Мндоянц

Автор росписи оказался в горах, где писал пейзажи. Что было дальше?

«Однажды за мной прилетел вертолет, оттуда вышел парень и сказал: “Вы полетите с нами, вас ждут”. Мы приземлились на госдаче. Стою, жду. И вот подходит ко мне какой-то начальник, знакомится и объясняет: “Вот эти здания у нас одинаковые, как яйца, подумайте, как сделать их разными”. И ушел. Остался я один на улице и думаю, как отсюда выбраться, денег совсем не было. Пошел на станцию, запрыгнул в поезд Москва – Тбилиси и

до утра бегал из одного вагона в другой, чтобы контролеры не поймали. Вот так началась моя карьера в Москве».

Посохин был действительно начальником, не только главным архитектором города Москвы, но и главой Государственного комитета гражданского строительства и архитектуры СССР, фактически министром, и к тому же – придворным архитектором, как некогда Константин Тон.

Художник не упустил случай. Представил эскизы, выиграл конкурс и получил возможность проявить свою «монументальную пластику». К тому времени у Зураба Церетели в возрасте Христа все сошлось. Как художник с этнографами и археологами Грузинской Академии наук обошел Кавказ. В «оттепель» пожил у родственников в Париже, поучился на курсах повышения фантазии, встретился с Пикассо и увидел, что занимается он не только живописью, но и литьем, росписью по фарфору, керамикой. В другой приезд в Париж встретился с Шагалом. В его мастерской – масло и темпера, а во дворе – витражи и мозаика.

«Я понял, общаясь с ними, что художник может все. Из Парижа вернулся готовый и начал изучать мозаику, витраж».

Мозаикой прославился в Пицунде. Работал как одержимый. Привлек к своим мозаикам внимание гостившего в СССР великого монументалиста Сикейроса и обитателей правительственных дач. Там произошла встреча с министром культуры Фурцевой, знаменитыми актерами театра и кино.

«Однажды у причала остановился катер. С него сошел на берег мужчина в белой рубашке, загорелый и подтянутый. Поздоровался со строителями и со мной.

– Косыгин, Андрей Николаевич...» Знакомство продолжилось в Москве.

Церетели с женой бывал дома у премьера за праздничным столом. Посохина рад был видеть у себя в мастерской на Тверском бульваре, не прерывая связи с ним до конца его жизни, о котором скажу ниже.

«С тех пор я жил между Тбилиси и Москвой. Для меня важен сам Тверской бульвар. Вид из окон. Это законченная картина. Представлял Пушкина на бульваре, русскую аристократию. Парочки на скамейках, пенсионеры с газетами – готовый материал. Вдохновлялся местом. Лет пятнадцать работал в полуподвале. Когда меня назначили главным художником Олимпиады-80, пришло в мастерскую руководство города, Гришин, Виктор Васильевич. Удивились: “Как можно работать в такой обстановке?” Отдали мне второй этаж. Там жили три семьи. Их быстро расселили».

Хочу сообщить краеведам, что в доме 9, пока здесь жил и работал будущий автор «Петра», побывали многие великие XX века, начиная с Марка Шагала. Ему нравились яркие картины Церетели, он говорил, рассматривая в альбомах его мозаики и эмали, что живопись у Зураба – начало всех начал.

Вторым, кого хочу назвать, – Владимир Высоцкий.

«Познакомил меня с ним в Доме кино Саша Митта. Потом мы часто встречались, гуляли, пили, я приходил на его концерты и спектакли. Он – ко мне в мастерскую на Тверском бульваре. Однажды с двумя девушками предложил съездить в Ленинград на свадьбу. Я сел за руль его “Мерседеса” и прямо, никуда не сворачивая, не зная дороги, гнал всю ночь. Вошли в квартиру, все спят. Повернулись и уехали обратно в Москву.

Нас с Сашей Володя пригласил на свадьбу с Мариной в маленькую квартирку. Пришли Юрий Любимов с женой Людмилой Целиковской, Всеволод Абдулов, Андрей Вознесенский с Зоей. Жена Саши Лиля Митта испекла яблочный пирог. С Андреем мы скинулись на несколько бутылок шампанского. Высоцкий лежал на диване и без особой охоты тихо играл на гитаре и что-то пел для себя. Я почувствовал, будто виноват, что такая бедная свадьба. Предложил продолжить ее у меня дома».

Утром улетели в Тбилиси. *«Здесь, – вспоминает Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет», – нам устроили настоящую старинную свадьбу».* Высоцкий много пел, и ничего не пил, это делал, стоя за его спиной с рогом вина, молодой грузин. Гости читали стихи Пушкина, Пастернака, Лермонтова. Грузины пели. Тамада пожелал, чтобы жениха и невесту похоронили в гробу из векового дуба, что мы посадим на свадьбе.

Высоцкий по поводу другого прозвучавшего тоста написал:

Правда, был у тамады
Длинный тост алаверды
Про него – вождя народов
И про все его труды.

«Последний раз встретились, где познакомились. Он подошел к моему столу и тихо сказал: “Зураб, я скоро получу гонорар, и долг тебе верну”. Я ему ответил: “Выброси это из головы и забудь, ты ничего мне не должен”. Через несколько дней он умер. После похорон ко мне пришли двое его знакомых и принесли завернутые в бумагу деньги. Сказали, что в списке долгов, составленном Высоцким, я – первый. На что я ответил: “Отдайте их детям”. (Артур Макаров подтверждает это: “Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить долг в пять тысяч рублей, заметив при этом, что в Грузии, если умирает друг, то в его семью деньги несут, а не выносят”).»

На Тверском бульваре, 9, бывали Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Чингиз Айтматов и Василий Аксёнов, Иосиф Кобзон, Майя Плисецкая и Родион Щедрин, Петр Капица и Святослав Федоров, мэр Москвы Лужков и губернатор Ленинграда Собчак, Эдуард Шеварднадзе и Евгений Примаков...

Церетели не помнит, каким образом появился в мастерской Адриано Челентано, но вскоре после него произошла другая неожиданная встреча.

«Когда Адриано вернулся в Италию, он рассказал обо мне, не знаю что.

По телефону позвонила мне незнакомая женщина:

– Я переводчица Марчелло Мastroяни. Он прилетел в Шереметьево и хочет к вам приехать.

– Приезжайте! – Повесил трубку, подумал, что это шутка, продолжаю работать. Через час ко мне поднимается помощница по дому:

– Там какие-то люди пришли, иностранцы.

Спускаюсь вниз. Вижу Мastroяни с фотокорреспондентами, они ходили за ним по пятам».

Судя по фотографиям, дорогие гости уходили с Тверского бульвара не только с воспоминаниями о грузинском застолье. Катрин Денев подарил натюрморт «Цветы». Челентано улетел с эмалью – картиной «Въезд Христа в Иерусалим». Когда у Церетели спрашивают, какая из встреч в мастерской была самая важная, отвечает: *«С Бушем-старшим. Я как раз тогда поставил в Нью-Йорке Георгия Победоносца с ракетами, и он с женой во время визита в Москву приехал ко мне. Я показал двух разных Колумбов. Буш выбрал для Америки ту модель, что сейчас устанавливается в Пуэрто-Рико.*

– Она выше статуи Свободы, – удивился Буш. Я ему ответил: “Сначала Колумб открыл Америку, потом пришла Свобода”. В тот день писал с утра натюрморт, цветы. Они пришли с Горбачевым и Раисой Максимовной. Я оставил холст на мольберте. Летом вечернее солнце бьет через окно, и на картине выступила тень оконной рамы в форме креста. Жена Буша говорит, что ей очень нравится этот ход – цветы и крест. Я обещаю, что подарю картину. Они садятся за стол, кушают, говорят, а я убегаю рисовать крест.

Та картина висит у них в спальне, и Буш сказал мне, что очень признателен за подарок, не надо каждый день покупать живые цветы, ведь в доме есть вечные, невянущие.

А я признателен окну за художественный прием. Эта мастерская – соавтор моего искусства».

Перед визитом Буша звонил президент Грузии Гамсахурдия и требовал не принимать президента США. За непослушание последовала месть. В окно бросили бутылку с зажигательной смесью. Случился пожар, погибло сто картин, обгорела «Гитара Высоцкого»...

Церетели хотел оставить в бывшей мастерской все, как было, выставить фотографии тех, кого уже нет. Но передумал, все переделал и открыл галерею, чтобы в ней могли выставляться молодые художники бесплатно. Никакой коммерции. Превратил два этажа в галерею «Зураб», ставшую популярной.

В заключение напомним о том, кому обязан Зураб Константинович мастерской на Тверском бульваре. Михаил Васильевич Посохин, построивший кроме дворца в Кремле многие громадные здания в Москве, в конце жизни восстановил маленький особняк барона Штейнгеля в Сивцевом Вражке. Там вместе с верной секретаршей занял кабинет вице-президента Академии художеств СССР, где мы встретились последний раз. Словно оправдываясь перед потомками, рассказал, что низкие потолки, крохотные передние и маленькие кухни в пятиэтажках без чердаков, строившихся в его бытность главным архитектором Москвы, все это и многое другое, – не на его совести. Неистовый Хрущев внедрил совмещенные санузлы, запрещал строить жилые дома выше пяти этажей, чтобы не тратиться на лифты.

...Книгу о Москве, которую мне с Посохиным предложили написать для «Детской энциклопедии», убрали из плана «при перестройке». В годы развала государства Народному архитектору СССР, пережившему на двадцать два года соавтора Мндоянца, похороненного на Новодевичьем кладбище, места рядом с другом не нашлось.

«Отлично помню каждое ожидание Володи приезда из Франции Марины. Он тогда еще не ездил за рубеж. Платили в театре на Таганке, где он работал, мало. С продуктами было плохо. Достать черную икру было очень трудно, Марина сама великолепно готовит и любит хорошую кухню. И под причитания по уши влюбленного Володи: “Мариночка приедет, надо ее хорошо встретить” я с большим трудом доставал черную икру и хорошее вино. Пусть люди радуются, такой я человек, хочется сделать все красивым!

Открываю выставку в бывшей мастерской на Тверском бульваре.

Тридцать лет она служила и квартирой, и мастерской до тех пор, пока Борис Ельцин не передал бывшее посольство Западной Германии на Большой Грузинской улице. Была мысль восстановить квартиру такой, какой была в далеком прошлом, воссоздать обстановку, устроить музей, показать тех, кто бывал здесь.

Посещали мастерскую на Тверском бульваре, 9 президенты СССР и США с женами, дипломаты, артисты, писатели, художники многих стран, цвет культуры XX века. Мне казалось, такой музей мог бы стать достопримечательностью города.

Но решил иначе. Воссоздавать мастерскую не захотел, реставрацией не занялся. Провел кардинальную реконструкцию, не оставил следов прежней планировки. Сломал деревянную лестницу с перилами из полуподвала на верхний этаж. На ее ступенях, расставаясь после застолья, фотографировались на память».

На снимке в этой книге, сделанном на лестнице, стоят Зураб Церетели, Эдуард Шеварднадзе, Перес де Куэльяр...

Придя на вернисаж в бывшую мастерскую, я не увидел следов былой лестницы, прежних дверей, окон и внутренних стен. Ничто больше не напоминало ни о квартире, ни о мастерской. Белые гладкие стены, залитые светом залы, заполнила толпа. Фуршет предлагался на столе, уставленном бутылками водки и консервными банками с килькой в томате. Бычков в томате, часто поминаемых в рассказах о голодном прошлом, в московских магази-

нах не нашлось. Такая инсталляция доказывала, что и Зураб Константинович в молодости хлебнул лиха с консервами, прежде чем получил персональную студию, не где-нибудь на окраине, а в центре Москвы на Тверском бульваре.

Бульвар в пламени революции

Третья революция на Тверском бульваре ничем не напоминали минувшие две. Ни демонстраций и баррикад, как в 1905 году. Ни красных знамен, бантов и народного ликования, как в феврале 1917 года.

Москва не сразу стала полем боя после взятия Зимнего дворца, кровь пролилась три дня спустя после революции в Петрограде, 28 октября. За восемь дней до этого в городскую думу и Управу у Красной площади поступило письмо, которое каким-то образом оказалось в башне московского городского архива на Профсоюзной улице. Там я его переписал давно и хочу впервые опубликовать, рассказывая о сражении на Тверском бульваре.

На конверте значилось:

«Городская управа.

Господину В.В. Рудневу».

Письмо начиналось со слов:

«Москва 20. 11. 17.

Господину Городскому голове

От своего имени, от имени единомышленников-москвичей обращаюсь к Вам как представителю Москвы и белой гвардии. Я постараюсь быть кратким. Во-первых, почему Дума бездействует и на что надеется? Для всякого каждого ясно, что большевиков ни устыдить, ни уговорить невозможно, на них можно воздействовать только силой. Вы должны выступить активно и решительно, хотя бы это и повлекло за собой кровопролитие. Я не имею сведений о количестве правительственных войск и большевистских войск, во всяком случае, ручаюсь, что, если в Москве имеется хотя бы пять рот правительственных войск, при быстрых и умелых действиях успех обеспечен, и не только обеспечен, но даже при благоприятных обстоятельствах переворот может произойти без единого выстрела. Если юнкера нападут внезапно в определенный час ночи на все занимаемые большевиками помещения: на телеграф, железнодорожные станции, склады оружия, патронные заводы и казармы, бесшумно снимут часовых и отберут оружие, Москва на другое утро будет приятно удивлена освобождением от большевиков.

Для укрепления победы к утру должны прибыть эшелоны из Вязьмы. То, что я говорю, очень просто и ясно, и если этого до сих пор не осуществили, то объясняется это какой-то растерянностью и преступной нерешительностью...

Не надо забывать историческую объединяющую и руководящую роль Москвы в спасении России.

Если вы примете мое предложение и если я смогу быть Вам чем-нибудь полезен, и Вы захотите удостовериться, что я не провокатор, Вы пришлите кого-нибудь завтра 21 ровно в четыре часа на угол кофейни Филиппова на Тверской. Посланный должен держать в левой руке носовой платок».

Письмо на плотной белой бумаге, не пожелтевшей за полвека, заканчивалось ссылкой на опыт Франции, где революция длилась десять лет, пока с ней не покончил быстрыми и решительными действиями Наполеон.

Подписал письмо некто В.О. Самоваров, очевидно военный. К нему, «человеку с платком», в условленный час никто не подошел. Письмо оказалось среди бумаг разогнанной городской думы и попало в архив. Читал ли его последний в истории Москвы городской голова Вадим Викторович Руднев, неизвестно. Наполеоном этот дипломированный врач, социалист-революционер, испытавший аресты, Таганскую тюрьму и «места не столь отдаленные» в Якутии, явно не стал.

С ролью Наполеона не справился и командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев, как городской голова – член партии социалистов-революционеров, самой массовой тогда, насчитывавшей в своих рядах сотни тысяч человек. Террористы партии постоянно недрогнувшей рукой убивали министров, губернаторов, генералов, градоначальников. Но воевать с народом партия не хотела. Городской голова не желал стрелять в товарищей, с которыми боролся с самодержавием и мерз в сибирской ссылке.

Сын крестьянина полковник Генерального штаба Рябцев вступил в бой с «какой-то растерянностью и нерешительностью». У белой гвардии насчитывалось несколько орудий. А восставшие захватили Московские мастерские тяжелой и осадной артиллерии – «Мостяжарт». Там ремонтировались сотни орудий, из них 60 были готовы выполнить приказ «немедленно начать обстрел Кремля», где находился штаб МВО.

Большевики хорошо усвоили уроки французской революции и знали, каким образом капитан артиллерии Наполеон осадной артиллерией взял крепость Тулон, а в Париже перекрестным огнем картечи по баррикадам разгромил роялистов. Картечью называют «снаряды, начиненные пулями для массового поражения живой силы противника на близком расстоянии».

Командовал одной из батарей «Мостяжарта» солдат Никита Туляков, ставший большевиком в мае 1917 года. Его сфотографировал во дворе музея Революции с внуками, оседлавшими пушку, мой друг Николай Рахманов. А я записал рассказ бывшего члена ленинского ВЦИКа и узника сталинского ГУЛАГа:

«Из этой пушки утром часов так в 10–11 мы дали три первых выстрела по Кремлю... Юнкера обстреливали позиции рабочих из пулеметов, установленных на Беклемишевской башне. Тогда я не знал названия башни. Она, как и весь Кремль, отлично просматривалась с нашей позиции. Я дал команду: “По угловой башне у Москворецкого моста – огонь!” Пулемет юнкеров замолк. Свой огонь мы затем перенесли на площадь перед Малым Николаевским дворцом, где засел командующий Московским военным округом полковник Рябцев. Против нас в Кремле на площади выкатили пушку. Но ее мы подстрелили. Появился грузовик – и его уничтожили. Так и вели огонь, не давая никому подойти к штабу. Когда наши взяли Кремль, я на лошади поскакал, чтобы посмотреть работу батареи. Много снарядов попало в Чудов монастырь и перед дворцом, где был штаб».

Другая батарея у памятника Пушкину на Тверском бульваре била по домам, где укрепились офицеры и юнкера.

Михаил Владимировский, сын священника, земский врач, большевик, вспоминал: «... Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар, яростно бушевала, уничтожая все на своем пути. Звонко лопались зеркальные стекла в окнах, таяла и лилась как масло цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические провода, рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтаном. В таком аду отвоевывала пядь за пядью, продвигались вперед революционные отряды».

Здания бульвара стали крепостями. Дом князя Гагарина, стоявший там, где памятник Тимирязеву, защищали юнкера и дружина эсеров, социалистов-революционеров. Один из них, некто Яковлев, оставил со своей стороны такую картину: «По всему бульвару горели фонари, зажженные с того вечера, когда не было боев, и, забытые, горели уже третьи сутки подряд. Газовый фонарь на углу был разбит, и теперь огромное пламя, как факел, билось на столбе, раздуваемое ветром. ...Стрельба из орудий велась часа полтора. Это было ночью. Фонари теперь светили, и весь бульвар был полон мечущимися теньями. Газ на разбитом столбе горел все так же, как и в первый день, метался как живой».

Описал Тверской бульвар после боя Константин Паустовский, снимавший комнату в доме, на месте которого построено новое здание ИТАР-ТАСС: «В серой изморози и дыму

стояли липы с перебитыми ветками. Вдоль бульвара до самого памятника Пушкину пылали траурные факелы разбитых газовых фонарей. Весь бульвар был густо опутан порванными проводами. Они жалобно звенели, качаясь и задевая о камни мостовой. На трамвайных рельсах лежала, ощерив желтые зубы, убитая лошадь, около наших ворот длинным ручейком тянулась по камням замерзшая кровь».

Бой на Тверском бульваре шел шесть дней с переменным успехом. «За последний день, – доносил 2 ноября штабс-капитан Доманский, – нашим отрядом, занимавшим кинотеатр “Унион”, захвачены дома на углу Малой Никитской и Малой Бронной в общем числе трех. На занятие этих домов израсходовано 30 человек убитыми и ранеными 2. Считаю занятую нами позицию очень важной». То был последний успех белых. В тот же день пришлось отряду штабс-капитана отступить, а в 9 часов вечера Военно-революционный комитет отдал приказ «прекратить всякие военные действия» и сообщил: «Враг сдался».

Выйдя из своего дома напротив кинотеатра «Унион», студент Паустовский увидел, что все было кончено, и якобы услышал: «С Тверской неся в холодной мгле ликующий кимвальный гром нескольких оркестров, которые играли “Интернационал”, гимн коммунистов со словами: “Это есть наш последний и решительный бой”...»

Трудно поверить, чтобы после многодневного кровавого боя сразу собрались музыканты нескольких духовых оркестров и устроили в честь победы концерт. Если это было действительно так, то те, кто ликовали, ошиблись: произошел не последний, а первый бой Гражданской войны.

Победителей, как известно, торжественно хоронили на Красной площади, о чем написал Джон Рид в книге «Десять дней, которые потрясли мир». Победленных покойников хоронили родственники на московских кладбищах. Отпевали убитых в храме Большого Вознесения. Из него по бульвару к Тверской улице гробы на плечах несли студенты и юнкера без знамен и лозунгов под траурную музыку оркестра и пение хора. Похоронили павших на Всехсвятском кладбище у «Сокола».

Над братской могилой произнес речь низвергнутый городской голова Вадим Руднев. Ему пришлось покинуть Москву и умереть в эмиграции. Полковника Рябцева за то, что приказал сложить оружие, офицеры армии Деникина арестовали, судили и расстреляли.

Из всех членов Военно-революционного комитета и Боевого партийного центра Михаил Владимирский был одним из немногих, кто умер в старости своей смертью.

Солдата Николая Муралова, сменившего полковника Рябцева на посту командующего войсками МВО, казнили как врага народа.

Выпускника юридического факультета Московского университета Владимира Смирнова, отвечавшего в штабе восстания за артиллерию, того, кто привел батарею к Тверскому бульвару, – расстреляли в мае 1937 года.

Другого юриста, выпускника Петербургского университета Георгия Ломова-Оппокова, «выступавшего за активные боевые действия», по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли в сентябре 1937 года. Прапорщика, автора романов и пьес Александра Аросева, приказавшего артиллеристам стрелять по Кремлю, Осипа Пятницкого, «организовавшего раздачу красногвардейцам 40 тысяч винтовок, найденных на товарной станции Сокольники», постигла та же участь.

Варвару Яковлеву, дипломницу физико-математического факультета Высших женских курсов, «сторонницу решительных действий по взятию власти», расстреляли последней, когда шла война, 11 сентября 1941 года близ Орла в Медведовском лесу...

Всего один разрушенный и сгоревший дом князя Гагарина с аптекой и пивной, стоявший там, где памятник Тимирязеву, не подлежал восстановлению. Другие, пострадавшие от огня, отремонтировала советская власть, лишив всех домовладельцев недвижимости – особняков и доходных домов с мебелью, картинами, книгами.

На Тверском бульваре в 1917 году насчитывалось 34 дома и храм Дмитрия Солунского. Одно казенное здание под номером 22 занимало градоначальство. Эту инстанцию царь учредил в январе 1905 года. Градоначальник получил полномочия более широкие, чем прежний начальник полиции. Ведал не только ею, охранным отделением, но и наблюдал за городским самоуправлением, общественными и политическими организациями. Это было важно накануне вооруженного восстания, поднятого революционными партиями.

Осип Пятницкий

До Февральской революции сменилось восемь градоначальников, ставших живыми мишенями для социалистов-революционеров. Одного из них, графа Шувалова, пребывавшего в должности всего два месяца, как сказано выше, застрелили в служебном кабинете.

Самый известный градоначальник – генерал-майор Анатолий Рейнбот – чудом избежал гибели. «Я считаю, господа, себя обязанным находиться на службе в течение 24 часов в сутки. Я Москву недостаточно знаю, – признался он подчиненным при вступлении в должность в январе 1906 года, – вы же знаете ее лучше меня, не ошибается тот, кто ничего не делает, возможны и в моей деятельности ошибки. Москва – сердце России, правильное бие-ние этого сердца имеет значение для всей страны».

За два года ему удалось перевооружить городских, которых революция 1905 года застала необученными и плохо вооруженными. На 4000 полицейских приходилось 1332 револьвера устаревшей системы. Берданки заменил трехлинейными винтовками. Для несения службы выдал велосипеды. Все участки оснастил самоварами, чайниками и чашками с блюдцами, полицейским выдавали бесплатно чай и сахар.

После убийства графа Шувалова и покушения на генерал-губернатора Дубасова террористка Фрумкина метнула бомбу и стреляла в шагавшего по Тверской улице Рейнбота. Как писали газеты, генерал не потерял самообладания после неудавшегося покушения, сходил в церковь, помолился и пошел домой. Николай II зачислил его в Свиту Его Величества.

Через год после вступления в должность градоначальник женился на Зинаиде Морозовой, вдове миллионера и мецената Саввы Морозова. Но его счастье длилось недолго. Рейнбот вскоре после венчания отстранили от должности за «нарушение кассовых правил, превышение власти» и осудили на год заключения «в исправительно-арестантском отделении», лишили особых прав и привилегий. Помиловал царь. После начала войны с Германией Рейнбот немецкую фамилию поменял на русскую. И как генерал-майор Резвый ушел на фронт холостяком, разведясь с Зинаидой Морозовой.

В советскую историю роскошный загородный дом в Горках, принадлежавший Зинаиде Морозовой, вошел как дом градоначальника Рейнбота. В нем жил и умер Ленин.

Три фамилии и два титула князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона

На Тверской улице до 1917 года числилось 77 домовладений, включая дворец генерал-губернатора и Английский клуб, часовню Александра Невского, две церкви и Тверской полицейский дом. Всего одно из них принадлежало графу Николаю Егоровичу Орлову. Все остальные строения от родовой знати в XIX веке перешли в руки нетитулованных собственников, купцов и потомственных почетных граждан.

Иная картина – на Тверском бульваре, где домов в два раза меньше, а князей и графов, известных всей России знатностью и богатством, было больше. О доме 2 князя Георгия Гагарина, сгоревшем в «десять дней, которые потрясли мир» и разобранным на кирпичи, читателям книги известно. Расскажу об устоявших под натиском времени домах других известных фамилий.

Княгине Клеопатре Михайловне Святополк-Мирской принадлежал двухэтажный дом, надстроенный в советские годы тремя этажами, под номером 19. Она умерла за семь лет до краха империи. Однако в адресно-справочной книге значилась вплоть до 1917 года. Княгиня вышла замуж за генерала Николая Ивановича Дмитрия Святополк-Мирского, отличившегося в сражении с турками под Плевной и на Шипке. Этот князь семнадцать лет наказным атаманом управлял Областью войска Донского. По непознанному закону природы от него рождались непременно мальчики. (У маршала Жукова от разных жен появлялись только девочки.)

В нашей истории печально известен племянник генерала, командир отдельного корпуса жандармов и министр внутренних дел России Петр Дмитриевич Святополк-Мирский. Его последнее назначение министром внутренних дел длилось всего четыре месяца и двадцать дней на стыке 1904–1905 годов. Этот сановник занял неожиданно для себя кабинет убитого социалистами-революционерами министра Плеве, свирепо боровшегося с «крамолой», беспощадно подавлявшего крестьянские восстания. Современники характеризуют его «редкой души человеком и очень культурным генералом», «выдающимся по своей нравственной чистоте», но с мягким характером. Что и привело к краху карьеры.

Клеопатра Святополк-Мирская

С приходом нового министра ожидали «прекращения грубой реакции». Либералы с ним связывали грядущую «эпоху доверия» между правительством и обществом, «весну русской жизни». Но ленинская «Искра» назвала его МВД – «министерством приятных улыбок», не более того. И оказалась права. Пришлось «доброму человеку» председательствовать на

совещании 8 января 1905 года, решившем против желания Святополк-Мирского применить на следующий день силу к мирному шествию к Зимнему дворцу. «Приятная улыбка» сменилась гримасой смерти. Эпоха доверия – «кровавым воскресеньем». «Весна русской жизни» – бурей революции.

Двоюродный брат Петра Святополк-Мирского Михаил успел до революции побыть камергером, статским советником, поверенным в делах в Софии. Избежал ужасов революции, оказавшись после развала империи в родовом замке за границами Советской России, в Польше, городе Мир. Жил уединенно, приводил в порядок старинные стены и башни. Умер князь за год до прихода Красной Армии и не увидел, как замок национализировали, превратили в производственную артель, а с захватом немцами – в еврейское гетто, лагерь военнопленных. В Советской Белоруссии комнаты и залы стали коммунальными квартирами, пока им не придали статус музея.

Опроверг пословицу «Яблоко от яблони недалеко падает» сын бывшего шефа жандармов и министра внутренних дел Дмитрий Петрович Святополк-Мирский. Питерский человек по рождению и образованию, по службе в лейб-гвардии стрелковом Императорской Фамилии полку в Царском Селе – стал москвичом лишь в 1932 году. Тогда вернулся из эмиграции на родину с членским билетом коммунистической партии Великобритании и паспортом СССР.

Жизнь в литературе юный князь начал сборником «Стихотворений» в Санкт-Петербурге, закончил хвалебной книгой о Ленине в Лондоне. С помощью Максима Горького бывший начальник штаба I пехотной дивизии Добровольческой армии генерала Деникина, интеллектual, читавший курс лекций в Институте славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, стал советским гражданином и писателем.

В эмиграции князь защитил магистерскую диссертацию о Пушкине. Издал на английском языке «Историю русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского». Составил антологию русской лирики «от Ломоносова до Пастернака». Был желанным гостем в салонах Лондона. Оттуда наезжал в Париж, там встречался с Мариной Цветаевой. В предисловии к антологии назвал ее «талантливой, но безнадежно испорченной москвичкой», что не помешало увлечься ею и помогать деньгами, пока жил за границей.

Князь влюбился в подругу Марины Веру Гучкову, дочь основателя и лидера партии «октябристов», принявшего из рук Николая II отречение от престола. После Февральской революции этот штатский человек вошел во Временное правительство военным и морским министром. Отец Веры постоянно устремлялся, как теперь говорят, в «горячие точки», невзирая на расстояния и грозившую ему опасность. Будучи гласным Московской городской думы, спасал армян от резни турок. Совершил поход через малодоступный Тибет. Охранял российскую Китайско-Восточную железную дорогу – КВЖД, воевал на стороне буров с англичанами, был ранен и попал в плен. Став директором Московского учетного банка, отправился в Македонию в дни восстания против турок. Спасал русских раненых солдат, попавших в плен к японцам.

Страсть к острым ощущениям унаследовала Вера Гучкова. В эмиграции, в отличие от отца правых взглядов, ненавидевшего большевиков и Советский Союз, дочь стала левой. Более того, ее считают агентом Иностранного отдела Лубянки. С мужем подруги Марины Цветаевой и агентом Лубянки Сергеем Эфроном она участвовала в «Союзе возвращения на Родину», вербовала добровольцев в Интернациональную бригаду в дни войны в Испании, где погиб ее муж.

Перед Второй мировой войной дочь непримиримого врага СССР Вера Гучкова приезжала в Москву, встречалась со старым другом Святополк-Мирским и благополучно вернулась в Париж. Будучи коммунисткой, в годы оккупации попала в концлагерь, откуда сбежала в Лиссабон. Ей удалось перебраться в Лондон, там она разочаровалась в идеалах комму-

низма, выступала по радио на Би-Би-Си, прослыла влиятельным кинокритиком и приезжала в этой роли в Москву на Первый международный кинофестиваль. Дожила до 1986 года в отличие от родственников Тучковых, оставшихся в отечестве. Их лишили всего и отправили умирать в ссылку, кого в ближнюю, во Владимир, кого в дальнюю – на Лену, в Сибирь, Казахстан.

Другу Веры Святополку не так повезло. Он попал под «красное колесо». До ареста князю дали недолго пожить на свободе в Советском Союзе. С делегацией членов Союза писателей СССР он побывал там, строили канал между Белым и Балтийским морем «вредители», заключенные из тюрем и лагерей. В группе из восьми литераторов написал Святополк-Мирский очерк «ГПУ, инженеры, проект», главу книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», «посвященную XVII съезду партии большевиков».

За пять лет жизни в Москве под псевдонимом Мирский появилось около ста статей. Князь составил «Антологию новой английской поэзии». Она вышла в 1937 году без его подписи, потому что автора-составителя арестовали «по подозрению в шпионаже» и осудили на 8 лет лагерей. В том из них, что назывался Особым лагерным пунктом «Инвалидный», летом 1939 года погиб сын князя Святополк-Мирского и графини Бобринской, состоявшей по линии отца в родстве с Екатериной II.

Плененный турчонок родом из Кутая, подаренный Екатериной II сыну, стал волею вступившего на престол Павла I графом Иваном Павловичем Кутайсовым.

Отчеством ему служило имя царя, вписавшего в герб фаворита девиз: «Живу одним и для одного».

Обученный парикмахерскому, фельдшерскому делу и манерам в Европе камердинер превратился в Фигаро при императоре, более того – стал другом, мнением которого царь дорожил, влиятельной персоной. Павел I постоянно одаривал фаворита землями, крестьянами, чинами, вручил ему орден Андрея Первозванного с бриллиантами, не считая других наград, что вызывало ропот аристократов. Кутайсов получил один из самых высших придворных чинов обершталмейстера. За пять лет царствования Павла I пленный турок превратился в богатейшего русского помещика и вельможу. После гибели Павла Кутайсов жил в Москве и своих имениях. Его дочери породнились с графами и князьями. Сын генерал-майор Александр Кутайсов молодым погиб в Бородинской битве, сын Павел жил долго и умер на вершине власти членом Государственного совета.

В 1917 году сохранившийся в прежнем виде особняк на Тверском бульваре, 20 принадлежал графине Ольге Васильевне Кутайсовой. Отчество ее мужа Александра Павловича напоминало об имени основателя династии. Этот граф умер во время мировой войны действительным статским советником и камергером. Рядом с его чинами в адресно-справочной книге «Вся Москва» указывалась общественная деятельность. Был он почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета. Ни этого совета, ни всех титулов, чинов и званий с 10 ноября 1917 года в России не стало. Как и градоначальства, помещавшегося рядом с домом графини, на месте которого – мрачное новое здание МХАТа.

С домом Кутайсовых в близком соседстве под номером 24 находился особняк, принадлежавший князю Юсупову графу Сумарокову-Эльстону Феликсу Феликсовичу старшему. Этот сдвоенный титул и утроенная фамилия появились в 1856 году. Тогда состоялось венчание молодых Феликса Эльстона и Зинаиды Сумароковой. Оба начинали семейную жизнь без унаследованных титулов.

Жених появился в Петербурге, когда после долголетнего проживания за границей вернулась вдовой правнучка Кутузова Екатерина. Ее с радостью приняла царская семья на правах камер-фрейлины, с тех пор даму постоянно видели рядом с императрицей Александрой Федоровной, женой Николая I.

В Россию правнучка Кутузова вернулась с шестилетним красивым мальчиком. Она представила его приемным сыном Феликсом. Якобы отцом ребенка был дворянин Николай Эльстон. Когда Феликс подрос, придворные увидели, что приемный сын русской княгини поразительно напоминает прусского короля Фридриха Вильгельма III, отца русской императрицы. Феликс на самом деле оказался незаконнорожденным сыном немецкого короля и правнучки русского фельдмаршала, то есть сводным братом русской императрицы, матери Николая I.

В тридцать лет за Феликса вышла замуж дочь генерала, внучатого племянника знаменитого стихотворца XVIII века Сумарокова. Перед свадьбой отца невесты царь возвел в графское достоинство, а Феликсу, мужу дочери новоявленного графа, повелел впредь именоваться графом Сумароковым-Эльстоном.

Спустя годы, когда сын этой четы Феликс Феликсович женился на княгине Зинаиде Юсуповой, невеста осталась в роду единственной носительницей славной фамилии. Княжеский род Юсуповых известен со времен Ивана Грозного, когда на службу к царю поступили сыновья ногайского хана Юсуфа. Их потомки приняли православие и русские имена. Самый известный Юсупов, воспетый Пушкиным, оставил по себе вечную память Архангельским, роскошным подмосковным дворцом и парком, где принимал императоров. Чтобы сохранить фамилию, Александр II дал мужу Зинаиды Юсуповой принять титул и фамилию покойного тестя и именоваться князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстоном.

После начала Первой мировой войны Николай II назначил Юсупова командующим Московским военным округом. А 5 мая 1915 года в историю города князь-граф вошел московским генерал-губернатором. Но занимал резиденцию на Тверской улице всего 4 месяца без 2 дней. Почему? Потому что при его попустительстве произошел кровавый немецкий погром. Толпа громила фабрики, грабила магазины и дома, не останавливаясь перед убийством. Кузнецкий Мост зиял дырами разбитых витрин, на мостовой валялись растерзанные рояли и пианино фирмы «Циммерман», выброшенная на камень мебель служащих германской фирмы.

Феликс Юсупов не держался особенно за высокую должность, сам подал рапорт об отставке. Князь слыл богатейшим помещиком и домовладельцем. Ему с женой принадлежало 17 имений в разных губерниях, пять заводов, рудник в Донбассе, восемь доходных домов и дворцов в Москве, Санкт-Петербурге, Царском Селе, Архангельском, Кореизе в Крыму. А также палаты времен Петра I в Большом Харитоньевском переулке. Воссозданные в наши дни роскошные залы и комнаты в духе конца XVII века стали замечательным музеем.

Женился Феликс Эльстон на самой богатой невесте России. «Ее драгоценности, – писал очевидец, – равнялись по богатству, разнообразию и красоте драгоценностям императриц». В фамильную сокровищницу Юсуповых входил бриллиант “Полярная звезда”, диадема неаполитанской королевы, серьги казненной французской королевы Марии-Антуанетты, жемчужина “Перегрина” испанского короля Филиппа II».

Княгиня Юсупова родилась под стать своим бриллиантам. «Женщина редкой красоты и глубокой духовной культуры, – называл ее другой современник, – она мужественно переносила тяготы своего громадного состояния, жертвуя миллионы на дела благотворительности, стараясь облегчить человеческую нужду». Княгиня состояла членом Комитета по устройству музея изящных искусств на Волхонке, перечисляла на его счет десятки тысяч рублей.

Словесный портрет матери оставил ее младший сын Феликс: «Матушка была восхитительна. Высока, тонка, изящна, смугла и черноволоса, с блестящими как звезды глазами. Умна, образована, артистична, добра. Чарам ее никто не мог противиться. Но дарованиями она своими не чинилась, а была сама простота и скромность».

Княгиня Юсупова родила Николая, который в молодом возрасте погиб на дуэли, и Феликса, получившего при жизни отца право носить титулы князя и графа. За него вышла замуж племянница Николая II. В 1900 году князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон-младший убыл учиться в Оксфордском университете. Уехал с идеей фикс убить друга царской семьи. Эта мысль родилась у него в беседах с матерью, умной и доброй. Что заставило их пойти на столь рискованный шаг? Кого спустя семь лет удалось Феликсу с помощью друзей отправить на тот свет? Об этом далее.

Соседний особняк перед революцией купил банкир Дмитрий Рубинштейн.

С этим именем связано самое громкое уголовное преступление, произошедшее до Февральской революции.

В эту компанию попал сын винного откупщика Лазарь Соломонович Поляков, ставший кавалером российских орденов, потомственным дворянином, действительным статским советником и на закате жизни тайным советником, будучи удостоен этой чести за заслуги перед отечеством, которое довольно немилосердно относилось к его соплеменникам.

Двумя соседними домами – 15 и 17 – владел Ярославско-Костромской земельный банк, на другой стороне дом 6 принадлежал товариществу Ярославской Большой мануфактуры, а дом 12 – Нижегородско-Самарскому земельному банку. Все клиенты после революции потеряли вклады, а банки прекратили существование.

Покинул особняк и жену, великую актрису Малого театра, известный адвокат Николай Шубинский. Двух других домовладельцев знала вся Россия. Особняк, где в XIX веке жил фаворит Екатерины II Римский-Корсаков, принадлежал графу Сумарокову-Эльстону.

Выстрел в спину. Мужик Распутин и князь Юсупов

Вряд ли общались на Тверском бульваре соседи – русский князь и еврейский банкир, хотя оба владели стоявшими рядом особняками. В пушкинские времена они составляли одну роскошную усадьбу известного нам бывшего фаворита Екатерины II генерал-адъютанта Ивана Николаевича Римского-Корсакова. Та половина усадьбы, что сейчас под № 24, являлась собственностью князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона. Другую половину, под номером № 26, купил петербургский банкир Рубинштейн и перепродал купцу Яголковскому и его жене. В 1917 году, как известно, князь и купец, домовладельцы Тверского бульвара и всей Москвы, лишились недвижимости, родины, многие из них – жизни.

В интересном путеводителе Юрия Федосюка «Москва в кольце Садовых» о бывших домах князя и банкира я узнал: «Последними владельцами этих домов по странной случайности были лица, тесно связанные со зловещей фигурой Распутина: дом 24 принадлежал участнику убийства “старца” князю Феликсу Юсупову, а номер 26 – распутинскому другу известному авантюристу и шпиону Дмитрию Рубинштейну, колоритно описанному в романе А.Н. Толстого “Черное золото”».

В романе писатель с турецким именем Хаджет Лаше, встречавшийся в Москве с Лениным, в Стокгольме предлагает редактору русскоязычного “Скандинавского листка” продать влиятельную газету и пеняет ему на то, что поместил заметку об английской гарантии денег бежавшего из России генерала Юденича. А после объяснения редактора писатель заключает:

– Теперь я верю, это простой промах редакции, – заметка желтая и помещена Митькой Рубинштейном. Вы знаете, что он играет на понижении курсов?

– Пускай Рубинштейн спекулирует, тем лучше, – ответил редактор. – Юденич натворит меньше зла с дутой валютой»...

В книге «200 лет вместе» Александр Солженицын цитирует донесение посла США в Швеции, сообщавшего в 1918 году, что банкир Дмитрий Рубинштейн из России «переехал в Стокгольм и стал финансовым агентом большевиков».

В романе «Нечистая сила» Валентина Пикуля есть такой эпизод: «Банкир Дмитрий Львович Рубинштейн, которого в петербургском обществе называли Митькой, поднес в презент Распутину несколько акций Русско-Французского банка, но подарком не угодил.

– На што мне акцы твои? – сказал старец Митьке. – Я вить на биржу не хожу... Не моего ума дело. Это вы, образованные там всякие, на бирже треплетесь.

Митька Рубинштейн не стал спорить и стоимость акций тут же перевел в наличный чистоган, от которого Распутин не отказался...»

Не подносил «Митька» Распутину «несколько акций», не разменивался на мелочи. 200 000 рублей пожертвовал премьеру России на содержание лазарета. Передал под него свой особняк в Петербурге на Васильевском острове. Арон Симанович, бывший секретарь «старца», в мемуарах «Распутин и евреи» вспоминал: «Лично для себя Распутин от Рубинштейна ничего не требовал», называл его «умным банкиром», более того, представил Александре Федоровне, когда императрице понадобилось в глубокой тайне перевести деньги бедным родственникам в Германии во время войны с Россией.

То, что «колоритно описано» в романах, в жизни далеко не так, как и в путеводителях, где описывается Тверской бульвар. Дмитрий Рубинштейн, кандидат права, окончил университет в Харькове, откуда был родом, он никогда не являлся германским шпионом. Его «авантюризм» ничем не отличался от поведения других таких же сказочно богатых банкиров накануне революции в октябре 1917 года.

После кровавого немецкого погрома 1915 года в Москве инженер Нирнзее Эрнст-Рихард Карлович, владевший вблизи Тверского бульвара построенным им самым высоким в Москве десятиэтажным домом.

У двух одиночеств, живших здесь, я бывал. Литературный секретарь писателя Леонова Николай Стор рассказывал, как чуть было не стал секундантом на дуэли Есенина. Московед Романовский показал этажерку с книгами о Москве, где были издания, стоившие больше моей месячной зарплаты в газете.

Строение в Большом Гнезниковском переулке, 10 Нирнзее продал за 2 миллиона 100 рублей Рубинштейну. Дмитрий Леонович, он же Львович, которого называли за глаза «Митькой», владел банками, страховыми обществами, акциями влиятельной петербургской газеты «Новое время». Но «умный банкир» чуть было не попал на виселицу. Выкупив акции страхового общества «Якорь», перепродал их шведам и отправил в Стокгольм планы застрахованных сооружений. На границе при досмотре планы вызвали подозрение в шпионаже, отправителя арестовали и передали комиссии генерала Батюшина, охотившейся за изменниками, особенно за теми, кто бы мог откупиться. Рубинштейн владел 300 миллионами рублей клиентов в своих банках. Пять месяцев просидел в тюрьме, по словам генерал-лейтенанта Курлова, «без всяких оснований». Помогли избежать суда по законам военного времени Распутин и Александра Федоровна.

Души не чаяли в Распутине наследник престола Алексей, Николай II и царица. Оставаясь с «Нашим другом» наедине, она никогда не имела с ним интимной связи, о чем ходили упорные слухи по империи. Распутин влиял на политику в России, по его совету смещались и назначались министры. Но «зловещей фигурой», «проходимцем», «юродивым» Григорий Ефимович не был. А был крестьянином из сибирского села Покровского, «матерым человеком», как выразился не по его адресу Владимир Ильич Ульянов (Ленин), придя в восторг от чтения «Войны и мира» Льва Толстого.

Природа наградила Григория не объяснимыми ни одной академией наук феноменальными способностями. В «Истории Великого Октября» академик Минц утверждал: «Играя на привязанности царицы к сыну, страдавшему от неизлечимой болезни крови (гемофилия – длительное кровотечение из-за несвертываемости крови), Распутин убедил императрицу, что своими “молитвами” он может уберечь наследника от болезни. Распутин втерся в доверие к царице, а через нее влиял на Николая II». На самом деле без молитв Распутин останавливал кровотечение из носа у ребенка, чего не могли придворные врачи, бессильные помочь Алексею.

Память хранила в голове странника, побывавшего на Афоне и в Иерусалиме, Священное Писание. Он мог на равных вести беседу с учеными монахами, иерархами Русской православной церкви. Религиозность совмещалась у него с бурной светской жизнью, ресторанами, кутежами, пением цыган и плясками. За столом он не ел мясо, сладкое, не курил, не любил водку, но мог выпить бутылку мадеры, сохраняя самообладание. В Москве тайные агенты полиции сфотографировали его буйное веселье с цыганами в ресторане «Яр». В.Ф. Джунковский подал снимок Николаю II и лишился должности.

В сорок с лишним лет «старец» обладал сексуальностью подростка и влюбчивостью донжуана. Многие женщины стремились в его постель. Елена Францевна Джанумова, одна из тех, кто устояла под напором страсти Григория Ефимовича, как я установил, жила в Козицком переулке, 2/4, на углу с Тверской. Первая их встреча произошла на Девичьем Поле, в старинном особняке на Большой Царицынской, ныне Большой Пироговской улице, 35, где, приезжая в Москву, останавливался Распутин у богатой поклонницы Анисии Рукавишниковой.

На следующий день, 26 марта 1915 года, гость в роскошной шубе с бобровым воротником пожаловал в Козицкий переулок к Джанумовой на званый обед. За столом в окружении

женщин распознавал их мысли и прошлое. Когда одна из дам призналась гостю: «Я думала, ты просто жулик», – и стала оправдываться, что слышала это от других, Распутин сразил ее наповал: «Мало ли что я слышал. Например, что ваш муж на гонках погиб не случайно, а кончил самоубийством из-за вас. Но я вам этого не говорил...» Дама в рыданиях выбежала из-за стола.

Встречалась Джанумова с Распутиным ради матери, германской подданной, которую собирались выслать из Киева. Узнав, что при смерти ее племянница, и поэтому она срочно уезжает в Киев проститься с умирающей, Распутин взял Джанумову за руку. «Лицо у него изменилось, – записала она в тот день в дневнике, – стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только белки. Он резко рванул меня за руку и сказал глухо: “Она не умрет, она не умрет, она не умрет”. Вечером перед отъездом в Киев пришла телеграмма, что высокая температура упала, угроза миновала...»

Влюбился Распутин и в подругу Джанумовой, также пытавшуюся с его помощью решить важное дело. Своего желания он не скрывал: «Порадуй меня мигом любви, и все пойдет хорошо для дела твоего...»

Джанумова видела, что у Распутина с утра толпился народ самого разного положения: русские и инородцы. Евреи добивались права жить в столице и учиться в институтах. Немцы просили не выселять. Польских беженцев приводила нужда. Никому не отказывал, принимал всех, помогал кому звонками телефонными, кому безграмотными записками влиятельным чиновникам, банкирам, спонсорам...

Чем больше я узнавал о Распутине, тем сильнее напоминал он мне Джуну, которой помог обосноваться в Москве Брежнев. На Соколе, где ей предоставили квартиру родственники заместителя главы правительства СССР Николая Константиновича Байбакова, люди заполняли двор дома. Прежде чем попасть в подъезд, они часами стояли на лестнице вдоль стен, медленно поднимаясь на верхний этаж. Вне очереди приходили к ней Аркадий Райкин и Леонид Леонов, Кобзон с Высоцким, Андрей Вознесенский и Роберт Рождественский с дочкой Катей, что сейчас фотографирует звезд в позах и одеяниях, известных по музейным картинам. К самым важным персонам Джуна выезжала сама: в переулок у Пречистенки к патриарху Пимену, на улицу Горького к Александрову-Агентову, помощнику Леонида Ильича, на Смоленскую площадь в высотный дом к заместителю министра СССР Юрию Леонидовичу, сыну Брежнева...

Чем больше я узнавал о Распутине, тем сильнее тускнел усвоенный в школе образ злодея. По признанию фрейлины царицы Вырубовой, Распутин чуть ли не на коленях перед государем умолял его не воевать на Балканах. Перед началом Первой мировой войны он залечивал раны после покушения на него в родном селе. «Оттуда дал две телеграммы “не затевать войны”. Он и ранее часто говорил их Величествам, что с войной все будет кончено для России и для них». Распутин составил завещание, где предрек, что если его убьют родственники царя, то «то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных, не проживет дольше двух лет». В заговоре состояли великий князь Дмитрий Павлович Романов и Феликс Юсупов, муж племянницы царя. Все сбылось. Распутина застрелили зимой 1916-го. Романовых предали смерти летом 1918 года.

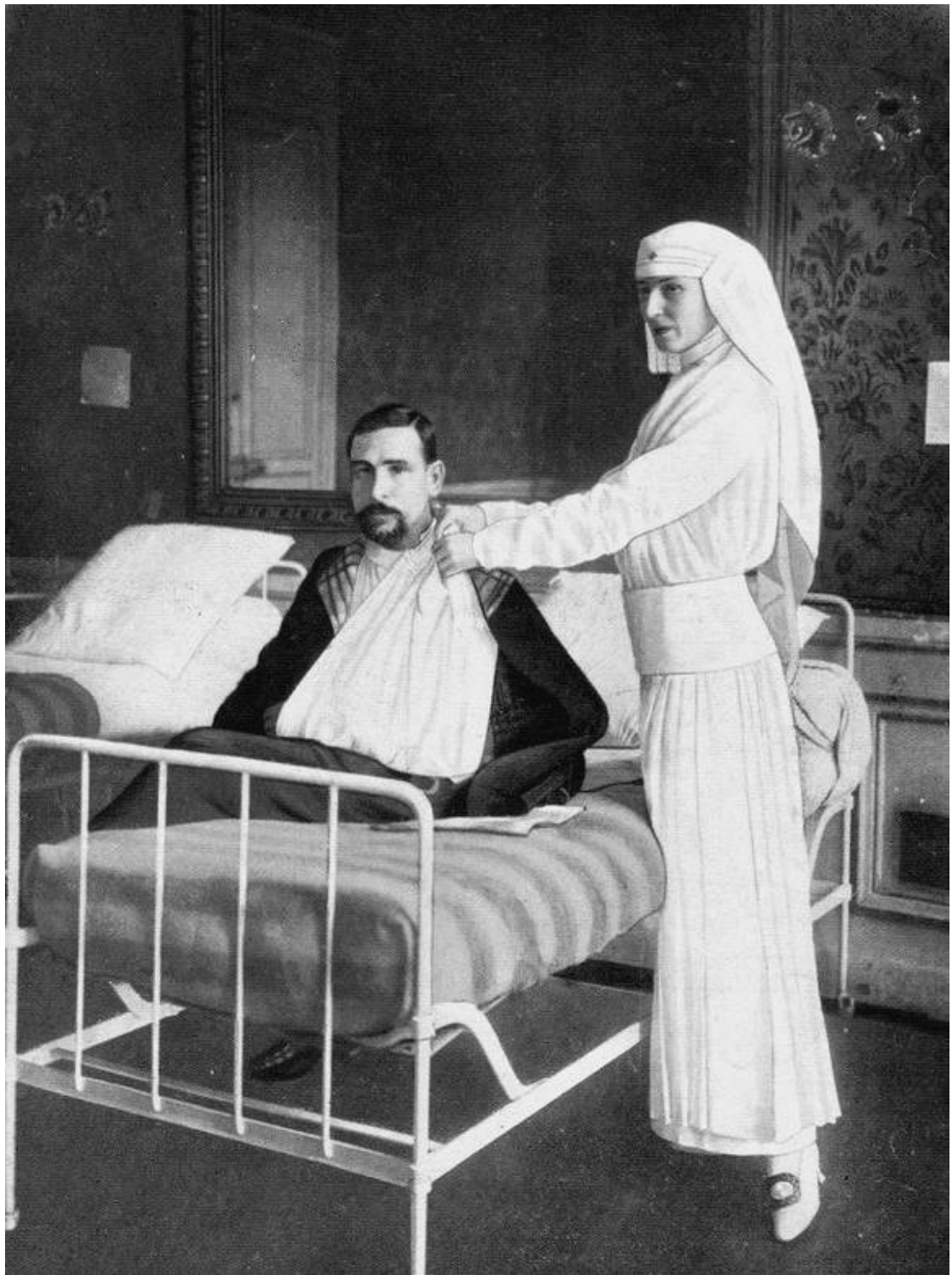
Князь Юсупов-младший, разыграв роль друга, заманил Распутина в свой дворец и выстрелил ему в спину, когда после бокалов вина и пирожков с цианистым калием тот рассматривал настольный крест. Словно заговоренный, Распутин выбежал во двор, добитый выстрелами других заговорщиков. Бездыханное тело князь – по его признанию – «в бешенстве и остервенении бил куда попало резиновой палкой».

Владел домом 24 на Тверском бульваре не «участник убийства», а его отец. В этом особняке, очевидно, сын Юсупова-старшего бывал до переезда в Петербург. В мемуарах «Конец Распутина» Юсупов-младший признается: «Его глаза будто иглы пронизывают вас

насквозь», «в нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила». Эту силу он испытал на себе. «Я чувствовал, как эта сила охватывала меня и разливалась теплотой по всему телу. Вместе с тем я был точно в оцепенении: тело мое онемело... Сила его гипноза была огромна...» Ненависть князя оказалась сильнее гипноза.

Неизвестно, бывала ли в особняке Дмитрия Леоновича Рубинштейна на Тверском бульваре юная родственница из Харькова Ида Леоновна Рубинштейн. Ее дед – основатель банкирского дома «Рубинштейн и сыновья». Отец – банкир и меценат. Девочка увидела игру Сары Бернар и решила стать такой, как она. Рано осиротев, Ида росла в особняке дяди на Английской набережной Санкт-Петербурга. В гимназии легко усваивала иностранные языки, увлекалась древней историей, философией Ницше. Но рвалась на сцену. Наперекор родне поступила в училище Малого театра, класс Александра Ленского, выпустившего ее на сцену со словами: «Вы – вторая Сара Бернар».

Дебютировала Ида в роли Антигоны в спектакле, поставленном на собственные деньги. Красавицей пленился художник Лев Бакст, ставший ее постоянным сценографом. Чтобы играть античных героинь, Ида учила древнегреческий язык. Как вдруг в 22 года заболела балетом. Танцу учил великий Михаил Фокин, пораженный фигурой и пластикой Иды. Он сочинил для нее «Танец семи покрывал». Сбрасывая одеяния, Ида оставалась на сцене обнаженной, в одних бусах, вызвав восхищение одних и гнев других, включая Станиславского, изрекшего: «Бездарно голая».

Ида Рубинштейн – медицинская сестра во время Первой мировой войны в Париже. Иллюстрация из французского журнала

Современникам Ида напоминала Суламифь, возлюбленную царя Соломона. Не скупясь, она заказала четверке корифеев – режиссеру Мейерхольду, композитору Глазунову, балетмейстеру Фокину и художнику Баксту – поставить «Саломею» Оскара Уайльда. Когда спектакль запретили, уехала навсегда из России.

В Париже купила особняк с парком, обставила дом по своему вкусу: золотой занавес в гостиной, в комнатах – африканские ткани, японская скульптура, самурайские мечи. В парке

– обезьяны и павлины, статуи, фонтаны, беседки. Гостей поражала ручная пантера. Замуж не выходила, признавалась: «Я могу идти по жизни только одна». Увлекалась охотой, ходила с ружьем на медведей и на львов. Не могла жить без острых ощущений, иначе чувствовала себя больной. Худобой и ростом Ида предвосхитила современных моделей. А также наших олигархов – завела яхту, летала на аэропланах.

В «Русских сезонах» Сергея Дягилева танцевала Клеопатру и Шехерезаду, ее успех у публики превосходил триумфы Анны Павловой и Федора Шаляпина. В те звездные дни Валентин Серов в церкви монастыря Сен-Шапель писал портрет обнаженной Иды и влюбился в нее. Картину купил Русский музей, невзирая на нападки критиков. Репин назвал образ картины «гальванизирующим трупом». Суриков – «безобразием».

Порвав с антрепризой Сергея Дягилева, создала, подобно Саре Бернар, свою труппу и собирала полные залы. Тратила миллионы на спектакли, которые ставила все та же четверка великих творцов, которых она привлекла в «Саломее». По ее заказу Дебюсси написал «Мученичество святого Себастьяна». Морис Равель сочинил гениальное «Болеро», Игорь Стравинский – балеты «Персефона» и «Поцелуй феи», поставленные Вацлавом Нижинским. Ида играла только необыкновенных женщин: Елену Спартанскую, «Даму с камелиями», Маргариту Готье и Настасью Филипповну. Последней ее ролью в 56 лет стала Жанна д'Арк.

Войну пережила в Лондоне, работала медсестрой в основанном ею госпитале. Вернувшись во Францию, приняла католичество и замкнулась в одиночестве на вилле вдали от Парижа, избегая всего, что любила прежде, – общество, друзей, прессу. Ночами на веранде любовалась звездами, за этим занятием она навсегда уснула в 77 лет. Завещала скрыть день, место похорон и написать на надгробии всего две буквы: инициалы I.R.

Генералы и академики под крышами Тверского бульвара

но, так он хорошо сохранился, хотя со времени его сооружения минуло шестьдесят лет. Появилось это здание при жизни Сталина, когда советским архитекторам вменялось брать из арсенала классического наследия любые средства для украшения фасадов. Что и сделали авторы. Лоджии, колонки, балюстраду дополняют чугунные решетки и башня. О доме пишут, что его построили в 1949 году для военнослужащих. Точнее сказать – военачальников. Их повышали и переводили из разных военных округов в Москву, где жить победителям в минувшей войне было негде.

Так, квартиру в новом доме получил бывший начальник тыла Группы советских войск в Германии генерал-полковник интендантской службы Александр Иванович Шебунин, в столице ставший начальником Главвоенстроя Министерства обороны СССР. Столь высокую должность бывший солдат царской армии, уроженец деревни Прилуки Архангельской губернии получил в год Победы третьим в истории Красной Армии. Первым стал легендарный Андрей Хрулев, командовавший не только Тылом, но и в самое трудное время войны – всеми железными дорогами в должности наркома путей сообщения СССР.

Солдат Шебунин в октябре 1917 года в Москве стрелял в юнкеров и офицеров. Отставив советскую власть на Северной Двине против англичан, на подступах к Москве против Деникина, в тамбовских лесах против восставших собратьев-крестьян. Учился всего около года на высших командных курсах «Выстрел». Жил там, где дислоцировались штабы: на подступах к Северному Кавказу и Сталинграду, в пяти странах Европы, где шли бои. Пять лет служил в Берлине, и только потом его перевели в Москву. Не будучи инженером, без высшего образования успешно командовал армиями строителей в погонах, сооружавших в годы холодной войны аэродромы в тайге, секретные стартовые площадки для пуска ракет, военно-морские базы.

Тверской бульвар, 1. Фото А.А. Скорохода

Ведал генерал-полковник и «индивидуальными дачами большой вместимости» на Икшинском водохранилище. Их строили для генералов и Маршала Советского Союза Василия Даниловича Соколовского 400 советских солдат и 200 германских военнопленных. Резиденцию маршала проектировал «бывший видный берлинский архитектор Карл Браун». Объект привлек внимание чекистов. Министр госбезопасности СССР Абакумов донес товарищу Сталину, что маршал незаконно увеличил выделенный ему участок в 2,8 гектара на гектар, возвел двухэтажный дом площадью 306 метров и двухэтажный дом с гаражом площадью 135 метров. Сталин узнал из докладной записки, что маршал обставил дома трофейной мебелью, люстрами, роялями, окружил участок металлической оградой, вывезенной из Германии. При переводе из Берлина оставил в личном пользовании десять автомобилей. Донос остался без последствий, очевидно, Сталин считал, что Герой Советского Союза, бывший начальник штаба фронтов и командующий Западным фронтом, став в Москве первым заместителем министра обороны СССР, заслужил не «шесть соток», как все советские люди.

Александр Иванович дослужился до заместителя министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск. Воениздат помог ему написать воспоминания «Сколько нами пройдено». Итог жизни генерал-полковник подвел словами: «Я счастлив, что моя судьба сложилась именно так...»

На столь видном месте Тверского бульвара проект дома заказали архитектору Николаю Селиванову. После Московского архитектурного института выпускник попал в мастерскую мэтра Николая Колли, практика, теоретика и историка архитектуры. Селиванову повезло начать карьеру под таким крылом и в творческой атмосфере, где рождались проекты зданий Днепрогэса. Шеф жил в Париже, когда Корбюзье проектировал на Мясницкой громадный дом Центросоюза. Колли по его замыслу на месте сломанных старинных зданий и церкви Николы в Мясниках построил невиданное в Москве здание «на ножках» с ленточным остеклением окон, плоской крышей-садом, ставшее Меккой последователей конструктивизма. Перед войной по проекту Колли появились станции метро первой очереди «Кировская», ныне «Чистые пруды», и «Смоленская». А главным делом мастерской было проектирование Центрального стадиона СССР в Измайлове, где Сталин предполагал по примеру Гитлера выступать перед трибунами, рассчитанными на 200 тысяч зрителей.

Проект дома на Тверском бульваре Селиванов в соавторстве с архитектором Кисловой выполнил в стиле социалистического реализма в пору его расцвета. К зданию примкнул в 1986 году более скупой декорированный точно такой высоты и цвета стен жилой дом архитектора Зиновия Розенфельда. Ключи от квартир жильцы получали, когда автору проекта исполнилось 82 года. То была лебединая песня мастера, заявившего о себе в годы первой пятилетки.

Появилась новостройка на месте разрушенных трех зданий. Дом под номером 3 был известен до революции как меблированные комнаты «Малороссия». В годы мировой войны его переоборудовали в школу, просуществовавшую до сноса. Проект дома, простоявшего на Тверском бульваре с 1877 года, принадлежал архитектору Петру Кампиони. Тогда в Москве господствовала эклектика, уличные стены обильно декорировались рельефами, статуями атлантов и кариатид, всем, чем украшали в далеком прошлом фасады. Принадлежал архитектор к династии итальянских скульпторов и живописцев, обосновавшейся в Санкт-Петербурге при Екатерине II. Итальянцы заполняли дворцы знати бюстами, статуями, каминами, вазами, барельефами. При Павле I Кампиони создавали дворцово-парковый ансамбль в Гатчине.

В Москву мастерская переехала в конце XVIII века, Кампиони занимались усадьбой Кузьминки. По их моделям отлиты из чугуна 16 львов, сохранившихся на прежнем месте, им

принадлежит монумент-колонна в честь посещения усадьбы Голицыных Кузьминки Николаем I. Кампиони расписали после пожара плафон Большого театра образами Аполлона и десяти Муз, которые поныне летают над зрительным залом. Мастерская отличилась отделкой Большого Кремлевского дворца, интерьером Георгиевского зала.

Особняки Петра Кампиони сохранились на Цветном бульваре, 28, Рождественском бульваре, 20.

Без всякого сожаления дом Кампиони на Тверском бульваре сломали, невзирая на протесты ревнителей старины. Гневное письмо поступило в «Московскую правду», я его хорошо помню. Авторы возмущались особенно тем, что «русскую архитектуру рушит еврей Зиновий Моисеевич Розенфельд», хотя решение о сносе принималось не им, а руководством города.

Под номером 5 на Тверском бульваре значилось два строения. К меблированным комнатам «Малороссия» примыкало здание 1850 года, автор которого забыт. А то, что находилось на углу с Малой Бронной, построил вскоре после Кампиони архитектор Василий Загорский. Самое известное его творение – здание Московской консерватории с Большим залом. В центре на разных улицах сохранилось десять его особняков и доходных домов. Среди них тот, что под номером 7, на другом углу бульвара и Малой Бронной улицы. О нем – позднее.

Явному вандализму на Тверском бульваре не противился никто из влиятельных архитекторов в Москве, включая Зиновия Розенфельда. Все они принадлежали к поколению сталинских зодчих, с энтузиазмом крушивших «купеческую Москву» ради «образцового социалистического города» на месте храмов, особняков и доходных домов.

Среди современников Зиновий Розенфельд, умерший в год распада СССР, – один из самых успешных зодчих. Уроженец местечка Чашники Витебской губернии после 1917 года не нуждался в праве на жительство в столицах. В Москве учился в Высшем техническо-художественном училище у корифеев зодчества – Голосова, Бархина, Гинзбурга. В молодости, проявив себя на конкурсах, возвел на Краснопрудной улице протяженный на сотни метров «дом ударников-железнодорожников», поражающий обилием квадратных окон.

На Пречистенке, 31, на месте разрушенной церкви Троицы, сооруженной в 1652 году стараниями стрельцов полка Ивана Зубова, молодой советский архитектор в 1937 году стал автором дома для московской милиции. Его уличный фасад в стиле итальянского Возрождения – с карнизом, как у дворцов, двухъярусным портиком. Спустя два года на Новокузнецкой улице, 2 возник подобного стиля жилой дом того же автора.

В современном архитектурном путеводителе по Москве Розенфельда упоминают всего трижды: как автора зданий на Пречистенке, Новокузнецкой и Садовой-Триумфальной, 4–10, появившемся взамен четырех сломанных строений. Фасад этого семиэтажного дома напоминает об архитектуре эпохи Возрождения, за что Розенфельд с соавтором удостоился Сталинской премии, о чем умалчивается.

И ни слова не говорится, что именно ему поручили после утверждения «Генерального плана реконструкции города Москвы» 1935 года проект реконструкции Можайского шоссе от Дорогомилдовской заставы до Окружной дороги. По загородному шоссе между Кремлем и «Ближней дачи» проносился утром и вечером кортеж машин, в одной из которых скрывался Сталин, ничего хорошего не видевший по сторонам из окна автомашины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.